

Есения Светлая

Научи меня
ЛЮБИТЬ

16+

Есения Светлая

Научи меня любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64425422

SelfPub; 2023

Аннотация

Сколько слез я выплакала, вымаливая у Господа ребенка. Бесконечная череда клиник, анализов, надежд и разочарований. День за днем я боролась за наше счастье и нашу любовь. Пока в один прекрасный день мой муж не привел в дом мальчика, объявив, что это его сын. Мир рухнул. Разве можно полюбить чужого ребенка, когда единственной твоей мечтой остается родить своего родного малыша?

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	17
5	21
6	26
7	34
8	38
9	42
10	48
11	56
12	63
13	69
14	77
15	82
16	89
17	94
18	97
19	100
20	107
21	114
22	119
23	123

Есения Светлая

Научи меня любить

1

Гул в ушах нарастал, грозя очередной потерей сознания. Хватит...

Яна поднялась с колен. Ноги дрожали от боли и усталости. Икры прошила судорога, но эта острая боль сейчас казалась спасением. Эта боль не такая, как в душе.

Простояла практически два часа у иконы, просила. Молилась. Искала облегчения. Думала, сможет выплакаться, но ничего – ни слезинки.

В голове нещадно пульсировало – это от запаха ладана. Яна его вообще всегда плохо переносила. Но давно смирилась с неизбежным: божий храм и чад еловой смолы – вещи неразделимые. А в церковь тянуло. Хотелось защитить крохи оставшейся надежды. Потому что вера иссякла. Вера в медицину, врачей, в то, что все будет хорошо. Ничего не происходит, ничего не меняется. Семь, почти семь долгих лет. Силы кончились и азарт, и эйфория, что вот-вот все получится...

Оправив юбку, взяла с маленькой скамеечки сумочку. Еле дошла до иконной лавки у входа. Пожертвовала на строи-

тельство нового монастыря, заказала службу за здоровье. Так вроде бы и всё.

Да, конечно, вот сейчас, выйдя из душного помещения небольшой церквушки, спрятавшейся в зарослях старого парка, она отчетливо понимала, что это все самообман. Что она просто цепляется за эти походы и молебны, как за спасательный круг. А спасения-то нет, никакого. Потому что все внутри. И не выходит. Отчаяние, смирение перед судьбой, страх, что ничего не изменится.

Вздохнула глубоко. Где-то среди искореженных вековых деревьев цвели яблоньки. Свежий аромат разливался в воздухе сладкой патокой. Вспомнилась та их первая весна с Сашкой. Поцелуи под деревом, и дождь из опадающих нежно-розовых лепестков отцветающей старой ранетки. Также светило солнце. Тогда казалось, что оно заливает своим волшебным светом все вокруг. Сейчас, глядя на солнце, Яна подумала о том, что время уже перевалило за полдень. Значит, через пару часов с вахты придет Сашка. Голодный, уставший и соскучившийся по общению. А потому нечего тут нюни распускать. Нужно успеть добраться до дома, разогреть обед. И себя привести в порядок. Муж любит, когда Яна встречает его в домашней одежде с небрежной прической. А вот такую – покрашенную, в элегантном наряде – он ее не воспринимает совершенно. Возможно, чувствует себя неуютно или думает, что не ровня.

А Янка любит его всей душой, любит больше жизни. Ни-

какие слова родителей, так отчаянно боровшихся с влюбленностью дочери, никакие трудности в их первые годы совместной жизни не смогли ни убить, ни даже остудить пылкие чувства. И Саша, она это знала точно, любит ее не меньше. Ни это ли счастье? Нужно радоваться тому, что даёт жизнь. Нужно быть благодарными. Нужно...

Успела по пути забежать в супермаркет, купить свежих овощей.

Дома, быстро скинув костюм-тройку из последней коллекции нынче столь модного столичного модельера, переделась в короткие шорты. Так, а футболку? Вот эту, мягкую, безразмерную, с принтом мультяшной совы, ее легче всего будет стянуть потом, чтобы впопыхах не порвать.

Яна сладко улыбнулась в предвкушении. Растрепала причёску, собрала на затылке небрежный пучок, особо и не стараясь его закрепить. Сашка все равно вытащит шпильки, распустит ее длинные волосы, когда будет целовать.

Часы услужливо пропищали половину второго. Ну, всё. Остается меньше часа до приезда мужа. Нужно поторопиться.

В холодильнике охлажденные заготовки котлет. Осталось лишь нагреть сковороду и быстро их пожарить. В кастрюльке стоит очищенная картошка, уже залита водой. Включить, чтобы сварилась, а потом из нее сварганить пюрешку. Пока шкварчат и вздыхают пузатые котлеты, нужно нарезать

салат; тепличные огурчики, мелкие с пупырышками, тугие, крепенькие – то, что надо. А какой от них аромат, закачаешься. Редисок пяток, потереть на терке тонкими листиками. Так, котлетки перевернуть.

Запах жареного пряного мяса расплывается по уютной кухне – такую они с Сашкой задумали и вместе создавали дизайн, сами делали ремонт, выбирали мебель. Получилось не хуже, чем на картинках в новомодных журналах...

Что там дальше? Ополоснуть зелень, побольше укропа; он такой душистый, вместе с огурчиками создаёт неповторимое сочетание, запах весны, запах свежести. Еще больше зелени, посолить, немножко черного перца. И сметанка – домашняя, свежеприготовленная, с желтоватым оттенком, густая, без единой крупинки, тянется за ложкой, как ириска. Яна пристрастилась к домашним молочным продуктам из-за мужа, а потому уехала за сметаной рано утром на колхозный рынок, на окраину города. Сашка так любит молочное! Он вырос в деревне, на натуральных продуктах, был здоров и полон сил. Не то, что сама Яна – цветок городской оранжереи. Когда они встретились, то настолько отличались друг от друга, как небо и земля... А как он ее откармливал, когда они отдыхали летом в деревне! Ругался, если она отказывалась или говорила, что это вредно для фигуры. Но свежий воздух, повседневная работа по хозяйству из того, что Яна могла делать, прогулки до озера и обратно – все это отлично укрепило здоровье, фигура округлилась только там, где

нужно. Щечки порозовели, да и глаза блестели от счастья. Это было их первое лето.

И первая попытка.

Безуспешная...

Не надо думать об этом, Яна. Не надо...

Котлетки хвалились румяными боками на блюде, разва-
рившаяся картошка рассыпалась, осталось ее взбить миксе-
ром. Соль, три ложки домашнего топленого маслица, обжа-
ренный мелко нарезанный лучок. Венчики вспахивают бело-
снежную мякоть, превращая комки в однородную пушистую
массу. В красивую салатницу перекачывают овощи, сдоб-
ренные сметаной, источая потрясающий аромат. Хлеб наре-
зан. Свежий, с хрустящей корочкой. Вроде бы все.

Звонок в дверь. Успела.

Яна побежала к двери, на ходу вытирая руки вафельным
полотенчиком, прихваченным с кухни, бросила его куда-то
на тумбочку, торопливо стала крутить барашек дверного
замка.

Сашка! Уставший, обросший, родной.

Он сбрасывает тяжелую сумку с плеча, подхватывает под
ягодицы Янку, запрыгнувшую на него, крепко сжимает ху-
денькую фигурку до хруста. А она визжит и смеется, уткнув-
шись в его шею носом, вдыхая исходящий от любимого муж-
чины запах, приправленный острыми нотками пота и бензи-
на.

– Малышка, какая же ты сладкая, – дорожка горячих поцелуев покрывает тело Яны, доводя до дрожи. – Не могу на тебя насмотреться. Ты – моя девочка, любимая моя, – продолжает шептать Сашка, исследуя самые чувствительные места, снова доводя Яну до очередного взрыва.

Она так старалась, готовила поскорее обед, чтобы накормить голодного и уставшего мужа. Но все её планы рухнули, как только он вышел из душа. Сашка словно греческий бог, обмотанный лишь полотенцем вокруг бедер, был прекрасен. Яна просто не смогла оторвать взгляд от его такого желанного, такого мощного красивого тела, покрытого мелкими капельками воды.

– Ты голодный? – её голос как-то осип.

Сашка весело улыбнулся, медленно подкрался к ней, а затем прошептал на ушко, одновременно сжимая любимую женщину в своих крепких медвежьих объятиях:

– Очень, даже не поверишь, как!

Яна, словно впервые почувствовав возбужденного мужчину, покраснела. Уворачиваясь, попыталась сказать, что обед остынет. Но Сашка не дал ей даже пикнуть, закрыв рот страстным обжигающим поцелуем, сметая все сомнения и мысли напрочь, и утащил в спальню. Он распял ее снова и снова, срывая с ее губ крики и стоны. Заставлял раскрыться

в своих чувствах полностью, принимая всю его мощь, каждый раз пугая этим и каждый раз оставляя на вершине блаженства.

Сашка, весь покрытый испариной – хоть снова в душ – устало облокотился на локти, чмокнул любимую в носик и откинулся на подушку, устраиваясь рядом. Попытался притянуть к себе Яну, чтобы обнять её и полежать рядышком. Хотелось насладиться тем, как постепенно успокаивается бурлящая кровь, и слушать тихое сопение его девочки. Но она, мелкая вредина, снова уперлась в его грудь кулачком, ловко вынырнув из-под руки, и откатилась на другой край кровати.

– Ну, Яна, давай потом, лежи со мной!

– Потом будет поздно, ты же сам понимаешь! Федоровский сказал, что медлить – значит потерять всю скорость. Нужно сразу, пока кислотная среда не накопилась и не вступила в войну с твоими сперматозоидами, – поучительно и, словно маленькому, Яна пыталась втолковать простые истины, закидывая ноги на стенку и приподнимая свой таз над постелью, практически вставая в гимнастическую позу «березка».

– Яна, я соскучился, малыш, ну лежи со мной. Я потом тебе еще порцию подарю, – Сашка хитро улыбнулся, скрашивая неприятную ситуацию шуткой, но жена, увы, в этом вопросе оставалась непоколебима.

Остается только демонстративно вздохнуть и уйти поку-

ритель, хотя Янка совсем этого не одобряет.

Теперь Сашка, стоя на озелененной площадке балкона и горестно опустив плечи, наблюдал за тлеющей сигаретой и пытался понять, что же так стремительно ускользает из их брака, словно дым сквозь пальцы.

Любовь? Нет, он очень любит Яну.

Доверие? Они всегда честны друг с другом.

Но горечь какая-то на языке... Надо сменить сигареты что ли...

Уже после, снова ополоснувшись в душе и подождав, когда оттуда выйдет Яна, Сашка решил завести сложный разговор. – Малыш, тебе не кажется, что эту ситуацию нужно просто отпустить? Потому что невозможно все время жить в таком напряжении и думать обо всем этом постоянно. То же самое, кстати, твой Федоровский говорил. Помнишь?

– Прости, милый. Я постараюсь. Не дуйся. Просто это реальный шанс, не хотелось упускать. Сегодня – завтра у меня овуляция. Понимаешь...

– Яна, – перебил Сашка, – давай без оправданий. Либо делаем, либо нет. Но превращать жизнь в набор правил, что и когда делать, это просто бред. Мы не знаем, когда это получится. Но если постоянно думать об одном и том же, то можно вполне загреметь в дурку.

– Ну все, тише, тише, я поняла, – прошептала Яна, осыпая поцелуями лицо рассерженного мужа. – Давай уже обе-

дать. Я подогрею.

Она ловко разложила в тонкие фарфоровые тарелочки пышный толченый картофель, сдобрив подливой и укладывая сбоку пузатые румяные котлеты, а затем отправила их разогреваться в микроволновку.

Себе поменьше – пару-тройку ложек пюре, кусочек куриной грудки, и лучше не подогревать. Пританцовывая, она расставила тарелки на стол, бегло осматривая, может что забыла. Взгляд цепляется за столовые приборы – аккуратно выставленные в параллель нож и вилку – подле своей тарелки и Сашиной. Виногато взглянула на мужа, улыбаясь, тихо спросила:

– Милый, тебе, как всегда, ложку?

– Да, малыш, мне, пожалуйста, ложку...

Обедали молча.

Яна в нетерпении поерзывала на стуле, но упорно ждала, когда муж доест. Когда она впервые столкнулась с таким поведением за столом, тогда ещё у будущей свекрови, то определённо испытала шок. Насколько Сашкина простая семья разнилась в привычках с Яниной.

Интеллигенция вообще не любит общаться вне трапезы. Любая беседа проходит именно за столом, неспешно, во всеуслышание. Для того, чтобы спросить какого-либо разрешения или что-то попросить для себя, нужно обязательно все это тщательно обсудить с родителями, дождавшись обеда или ужина.

В семье Сашки все работали. Много, долго, изнурительно. И ели основательно и молча. А поговорить можно было в любое время. Встаешь рядом, помогаешь в работе, и беседуй себе на здоровье. Вот и сейчас она, по вбитой с детства привычке, не спеша ковыряла в тарелке, в то время как Сашка уже практически все доел. Яна с радостью вскочила из-за стола, налила мужу чай, пододвинула свежееиспеченную сдобу и конфеты.

– Спасибо, малыш. Ты почему ешь без аппетита? Ты не заболела у меня?

– Саш, все в порядке. Пей. Я сейчас тоже доем. Просто

разволновалась, соскучилась по тебе очень.

Сашка улыбался одними глазами – во рту уже исчезло полкусьменя пирога со взбитыми сливками. Запивал он все горячим, крепким, сладким чаем. Яна же чай пила только с ромашкой.

«Цвет лица для женщины – это половина ее красоты. Остальное – осанка, руки и волосы. Запомни, Янина. И прямись ты уже...»

Тут же Яна мысленно проверила все: положение рук, спины, наклон головы. Но Сашка, видимо, что-то заметил в ее поведении. И, быстро дожевав пирог, спросил:

– Звонили родители?

Яна, виновато посмотрела на мужа, отложила вилку и спрятала похолодевшие ладони в коленях.

– Да. Хотят встретиться.

– Когда?

– В пятницу, через три недели, закрытый прием. Приезжает один маэстро, из столицы. Будет давать концерт у кого-то на дому.

– Ты пойдешь?

– Да, я хочу сходить. Я все же скучаю по ним. Последний раз мы виделись в феврале.

– Яна, не оправдывайся, они – твои родители. Я не против ваших встреч. Но ты же потом снова будешь неделю рыдать ночами в подушку. Мне просто жаль тебя, – он протянул руку и погладил жену по щеке, вызвав тем самым робкую

улыбку, – Если хочешь, я пойду с тобой.

– У тебя нет смокинга.

– Пойду в джинсах.

– О, я представляю! Секьюрити не пускает тебя в помещение, а я стою и упорно его луплю клатчем по голове, чтобы отпустил моего, такого приметного, мужа, – развеселилась Янка.

– Но-но. Кто кого еще держать будет!

– И все же, не стоит. Я знаю, что тебе там будет тяжело и неуютно. Не нужно. Я справлюсь. Зато послушаю концерт в исполнении именитого маэстро и увижу столичных звезд.

– Ну, вот и славно. А я могу тебя сводить, куда попроще. К Наташке с Игорем, например. Мы с ними тоже давно не виделись. Они звали. Только нужно созвониться, договориться о встрече, на какой день. Шашлыки пожарим на даче. Вина домашнего Наташкиного попьем.

– Ура, ура! – захлопала в ладоши Янка. – Звони. Сто лет не была на природе, да и по ним я очень соскучилась. Хочу, хочу, хочу!

Саша вышел из-за стола, чмокнул нежно любимую в подставленную щечку, поблагодарил за обед и ушел отдыхать. А Яна, в предвкушении хороших выходных, вновь запорхала на кухне.

Неспешно прибираясь на кухне, Яна думала о превратностях судьбы. Видела бы мать, что ее дочь моет посуду с моющими средствами, да еще и сама, а не в посудомоечной машине. Прочла бы не одну лекцию: и о вреде таких процедур для кожи, и об опасности порезать осколками руки, и о том, как портится спина от такой работы в напряжении, а в завершении непременно бы упрекнула Янину за небрежную прическу, не достойную настоящей леди. Прямо 18 век, ей богу.

Яна вздохнула. Вспоминать о семье было всегда тяжело. Предстоящая встреча разбередила и без того ноющие душевные раны. Родители ей так и не простили свои разрушенные планы и мечты на будущее их единственной дочери. Ожидалось, что она, как и родители, будет посвящать свою жизнь высокому искусству, пробивая себе лакомое местечко в одном из лучших симфонических оркестров России, а возможно и мира.

Ее, дочь двух известных и довольно-таки успешных музыкантов, готовили к этому с первых дней жизни. Яна даже училась не в обычной школе, а в специализированной гимназии, где с утра до вечера они занимались, занимались, занимались. Культура речи, музыка, танцы, игра на скрипке, игра на фортепиано, и совсем немного предметов из общеобразовательной программы. Поздно вечером водитель привозил

девочку домой, где ее часто совершенно никто не ждал, кроме черного одичавшего кота Моцарта и домохозяйки Нины Евгеньевны. Родители днем постоянно были на репетициях, а вечерами, в выходные и в праздники – на выступлениях. В те редкие моменты, когда они все же встречались, родители усиленно воспитывали дочь, выполняя свои обязанности, так сказать, оптом. Практически заваливая ее вопросами, изнуряя правилами поведения и постоянно оценивая, оценивая Яну во всем: как сидит, как смотрит, как говорит, отвечает, спрашивает, каков ее тон, наклон головы, положение тела, рук. Эти бесконечные тычки и окрики... Иногда ей казалось, лучше бы они совсем не приходили.

Но постепенно Яна превращалась в идеал, так настойчиво взращиваемый всеми окружающими. Принцесса, нимфа, юная богиня. Её стали вывозить на концерты и благотворительные приемы, отношение родителей стало благоговейным и трепетным, словно она была бриллиантом.

Для них теперь таким бриллиантом Яна наконец-то стала – красивой эксклюзивной куклой, которой можно было хвалиться, словно картиной великого художника. А также стала своеобразным пропуском в мир большой музыки. Как не крути, у родителей были большие планы на дочь. Но не вышло.

Яна встретила Сашку. И мир словно раскололся на «до» и «после». Потому что с ним она увидела совсем другую жизнь, с ним она впервые почувствовала себя по-настоящему

му ценной и невероятно счастливой. Свобода, хоть и призрачная, опьянила и открыла для Яны неожиданные новые горизонты.

Тогда, в мае, сборная группа из их гимназии ездила давать благотворительный концерт в детский дом, в соседний районный центр. Их труппа во главе с художественным руководителем, старым учителем из гимназии Вольфом Владимировичем, возвращалась поздно вечером на автобусе в родной город. Ехать оставалось еще пару часов, как автобус неожиданно сломался. Обошлось без аварии и травм. Но оставаться в поле на дороге в ночь казалось немыслимым. Водитель, поискав в навигаторе возможные места остановки, сообщил, что примерно в пяти километрах стоит небольшое село. Добраться туда получится лишь пешком, и то идти придется по накатанной полевой дороге. Зато там можно и переночевать, и продукты в магазине купить. Ну а помощь подоспеет в любом случае не раньше, чем через три-четыре часа, а то и утром.

Янина с отчаянием понимала, что ее сегодня домой никто не заберет. Родители уехали в тур по Европе, у них был долгожданный отпуск. Личный водитель тоже отпущен на месяц, так как Яна решила везде добираться сама на такси.

Посоветовавшись девочки решили идти пешком до села, ну а там сориентируются по обстоятельствам. Вольф Владимирович, немного посуетившись и попеняв на свои больные колени, отпустил своих учениц одних, а сам остался помогать

водителю автобуса.

Сейчас казалось смешным то, как они, словно стайка напуганных птишек, жались к друг другу, и осторожно ступая по накатанной грунтовой дороге в своих бархатных туфельках, вздрагивали и повизгивали от каждого шороха в кустах реденькой просеки. Спустя километр к звукам привыкли и стали различать выпрыгивающих из травы лягушек. Легкий весенний ветерок доносил сладковатый аромат цветущих садов, успокаивая и примиряя девушек с обстоятельствами. На небе постепенно разгорались невероятно большие звезды, а в березовой рощице завели свою неповторимую трель влюбленные соловьи.

Расстояние до села было не особо большим, в пределах города – то и вовсе немного, к примеру, как от площади до набережной. Но тут все казалось иначе. Для каждой из них, в этом зарождающемся волшебстве настоящей, неискusstvenной ночи, открывались какие-то новые истины. Шаги постепенно стали размеренными. Девушки перестали держаться стайкой, разговоры умолкли, каждая думала о своем. Неожиданно тишину разрушил оглушающий рев моторов. Прямо навстречу к ним, по дороге неслись сразу несколько мотоциклов.

Сашка до сих пор смеялся над той, их первой, встречей. Вечером он собирался отмечать с друзьями свой день рождения. Да и ко всему, прошел почти месяц, как он вернулся из армии, но пока ещё мотался с оформлением документов, матери с отцом по хозяйству помогал, и вовсе не до гулянок было. А тут уж все карты сложились, все ребята собрались, и погода хорошая. Шашлычок замариновали, наловили раков.

Егорович, его двоюродный дядька и крестный, заранее заготовил домашнего пива, как раз к встрече племянника, а заодно и лучшего друга своего сына Кольки. Варил он его помалу, но очень ароматным получался напиток и добрым.

Собрались в заброшенном саду на окраине, музыку включили, накрыли поляну. А тут прибежал к ним запыхавшийся глава сельсовета, Юрий Андреевич. Говорит, поступил звонок от помощника губернатора. На трассе сломался пассажирский автобус. Просят доехать, осмотреть, оказать помощь, пока суть да дело, и к ним снарядят новый автобус.

Ребят дважды просить не пришлось. Почти у каждого имелся свой мотоцикл. Да и живут все рядом. Разбежались, похватали железных коней и вперёд, спасать из беды пассажиров, напрямую через поле, на трассу.

Ночь наступила, темно. Несутся по пыльной дороге, а впереди странные силуэты в белых одеждах. Сказать, что испу-

гались – ничего не сказать. Едут, а фигуры и вовсе не шелохнутся, все также посреди дороги стоят. Лишь белая светящаяся ткань колыхается от ветра. Тормозили резко, с визгом, да еще с разворотом, чтобы друг с другом не столкнуться. Ещё несколько минут стояла тишина, пока оседала пыль. И вместо ожидаемых привидений на дороге, как оказалось, стоят девицы. Злые, того и гляди взглядом одним сожгут. Откашливались все: девушки скрывая испуг и негодование, парни – пряча смех.

Сашка, ловко спрыгнув с новенького блестящего "китайца", выдвинулся вперёд.

– Здравствуйте! Вы уж простите, что напугали. Сами тоже, того... Не разобрались сначала, что за привидения у нас на поле появились. Вроде вчера ещё никого не было... Не обижайтесь, пожалуйста. Вы с трассы? Это ваш автобус сломался?

Вперед, навстречу к парням, вышла Ева Вишневская. Она постарше всех, а потому была и посмелей, и опытней в общении. Не сравнить с Янкой, еще совсем желторотым птенчиком.

– Здравствуйте, ребята. Да, мы движемся от сломанного автобуса, направляемся в деревню. Не подскажите, далеко еще? Нам нужен ночлег, ну и магазин, чтобы купить немного еды.

– Не переживайте. Нас председатель наш послал, вам в помощь. Устроим и на ночлег, и поможем. Здесь идти еще

километра три, но быстрее будет, если мы вас довезем. Не бойтесь, барышни, на мотоциклах?

Ева оглянулась на девчонок. Те несдержанно и удивленно разглядывали парней, таких поджарых и коренастых. Не чета их однокурсникам, тонкокостным и бледным дирижерам и музыкантам. Они с любопытством вытягивали свои тонкие шейки, оценивая и вид нового транспорта. Никому из них еще не приходилось ездить на мотоциклах.

– Мы согласны с вами доехать, – чуть более уверенно, чем чувствовала, ответила Ева, – Если вы гарантируете безопасность. И спасибо за помощь.

Парни замерли в ожидании. Их двенадцать, девчонок восемь. Кто к кому сядет? Вон, стоят, шушукаются, хихикают. Сашка начал сердиться. Там, наверное, уже угли готовы для шашлыка, и есть так хочется. А эти вертихвостки тут время тянут.

– У меня к вам предложение, давайте сразу с нами, на праздник. У меня сегодня день рождения. Гуляем в старом саду. Шашлыки, пиво домашнее. Никто вас не тронет и не обидит. А как познакомимся, так и решим, кого к кому на ночлег определить. У нас несколько домов, кто может гостей принять. Поедем?

Больше уговаривать не пришлось. Девушки врассыпную двинулись к ребятам, стали усаживаться сзади на мотоциклы под чутким руководством самих водителей.

Сашке досталась большеглазая, худенькая девчушка.

Несмело улыбнулась, задрала дрожащими руками длинный подол белого платья и, с лёгкостью перекинув стройную ножку через сиденье, ловко уселась позади.

– Держись за меня крепко. И не бойся. Здесь недалеко и поеду я медленно. РЕБЯТА, ДАВАЙТЕ, ТОЖЕ ПОТИШЕ, НЕ НАПУГАЙТЕ ДЕВЧОНОК!

Яна дрожала. Мотоцикл, к своему стыду, так близко она видела впервые. Рев заведенного мотора так напугал, что она со всей силы вцепилась руками в кожаную куртку Сашки.

Черт. Так не пойдёт. Он заглушил мотор и, сняв с себя куртку, стал надевать её на девушку. Замер, рассматривая ее ближе. Невероятные глаза, огромные, как у лани, с длинными ресницами. А смотрит в упор, взгляда не отводит. Дрожит, но не отступится.

– Саша.

– Я... Яна... Янина.

– Яна, – протянул с улыбкой парень, – звучит, как южный ночной ветер. Держись, Яна, крепче. Обнимаешь меня за пояс и руки не отпускаешь. И ноги с вот этих подножек ни в коем случае не убираешь. Все ясно?

Девчушка уверенно кивнула и улыбнулась. Храбрится малышка.

Саша вновь сел на мотоцикл, завел мотор, дождался, когда Яна, преодолев стеснение, придвинется поближе и обнимет его. И только потом тронулся в путь. Большинство ребят уже уехали.

Всю дорогу он ощущал на своем напрягшемся животе холодные тонкие пальчики, так неуверенно прижимавшиеся к его телу. И как только в ней душа держится. Маленькая дивная пичужка. Маме она, наверняка, понравилась бы.

Яна вышла из старого сада, чуть прошла по тропинке вперед, в заросли.

Старый заброшенный дом давно сгнил и сложился, как карточный домик, а на сам участок хозяев и наследников так и не нашлось. Потому местная молодёжь облюбовала это местечко, как площадку для вечерних посиделок и гуляний. Во дворе был сколочен огромный дощатый стол, со временем потемневший от дождей, такими же гладкими и невзрачными были скамейки. Но несмотря на вид, такая нехитрая мебель была крепкой и удобной для больших компаний. Шум и гомон ребят заглушал плотно разросшийся сад. Вишни, яблони, кусты смородины прижимались друг к другу, образуя стройный широкий ряд. И, если не обращать внимания на запущенное состояние всего, что было вокруг, здесь было уютно. Даже спокойно как-то.

Девушки по началу чувствовали себя не в своей тарелке. Парни – такие простые, не вымуштрованные лучшими учителями – филологами и музыкантами, казались кем-то не от мира сего. Смеялись громко, шутили остро, смотрели открыто, не отводя жадного взгляда от новых знакомых. Но никого не обижали и не трогали.

Прибежал глава сельсовета, передал, что машина с подмогой к их шоферу уже выехала, а вот со вторым автобусом

пока заминка. Ночь на дворе, и этим все сказано. Возможно, к утру пришлют любой свободный транспорт из автопарка или пару частных машин, чтобы забрать гимназисток домой. А пока им предложили осмотреться, отужинать и, если кто пожелает, отдохнуть в приготовленных для них комнатах сразу в нескольких домах. Кому куда приглянется. Свобода пьянила. Вот такая, казалось ничего не значащая, маленькая, но кружила голову до одурения.

Сначала страх, накрывший с головой после аварии, потом дорога в ночи по полю. Никто из них даже просто на открытой местности-то не стоял, а тут пришлось совершенно одним идти несколько километров по темноте. Так и мерещилось, что вот-вот из тьмы вдруг набросятся все те монстры, которые не добрались до тебя в детстве.

Спустя полчаса страхи поутихли, уступив место неподдельному искреннему восхищению перед вступающей в свои права теплой майской ночью. Необыкновенно свежий воздух, потрясающие переливы голосов ночных пичужек, небо в ярких искрах таких чистых и непривычно огромных звезд. Отступили не только страхи, но и какие-то внутренние оковы, словно растаяли, выпустив обнаженную душу наружу.

Девушки шли молча... Каждая думала о своем, понимая в эти драгоценные минуты для себя что-то очень важное, сокровенное, настолько ценное, что хотелось только молчать.

А потом новый стресс. Когда на них, ослепляя фарами, по дороге, с огромной скоростью неслись мотоциклы. Девчонки

настолько оцепенели от ужаса, что даже не могли сдвинуться с места, чтобы уйти с проезжей части в сторону. Хорошо, что парни их вовремя заметили. А потом, похохотав над их необычным видом – белые платья в пол, отражающиеся в свете фар в ночи, все это отдавало мистикой, не иначе – забрали их с поля и довезли на мотоциклах до деревни. Теперь же, после знакомства, девушки расслабились, с удовольствием поглощая нехитрое угощение, совершенно не заботясь о том, что есть приходилось из общих тарелок и без приборов. И если для деревенских парней это был обычный вечер, то для гимназисток это стало настоящим приключением, вызовом, брошенным, прежде всего самим себе.

Яна вздохнула, пытаясь утихомирить разбушевавшиеся эмоции. Она отказалась от алкоголя, хотя с удовольствием съела и овощи, и сочные кусочки ароматного шашлыка, и даже ломтик пирога с грибами и картошкой уместился. Пыталась шутить и общаться в компании, но, в отличие от других своих подруг, все не могла отделаться от ощущения, что она об этом всем очень сильно пожалеет. Не пристало девушке ее круга вот так, как хабалке, пить пиво и есть мясо руками. И кто эти парни? Ну кто они такие? И чего от них ждать? Непонятно. Да, выглядят они вполне прилично, на вид здоровы и благополучны. Но они настолько разительно отличались от Яниных знакомых, и вообще эта вся обстановка и действо, все в тот миг казалось ей театром абсурда.

Не выдержав своих ощущений, гнетущих душу и так

быстро притупляющих новые хорошие впечатления, она вышла из-за стола и направилась вглубь сада, по тропинке. Но вскоре оказалось, что впереди совершенно нет прохода. Придётся возвращаться назад.

– Там не пройти, Янина. Может быть, ты хочешь в туалет? Он здесь есть, в этом саду, за домом, новый и чистый, хоть и уличный. – Сашка стоял на тропинке, загораживая своей огромной фигурой узкий просвет между деревьев.

Это не парень, это просто гора какая-то! И когда он успел подобраться так тихо?

– Спасибо, Александр. Я видела, но пока нет нужды, да и когда приспичит, между кустами с крапивой и общим туалетом, я все же выберу второе.

– Тебе неудобно с нами? Слишком громкие?

– Прости, если обидела, нет. Все в порядке. И ребята хорошие, вы все хорошие, правда. Просто чувствую себя, как рыба, выброшенная на берег. Это настолько далеко от моей реальности, что немного страшно.

– Понимаю. Когда я приезжаю в город, то чувствую себя там также. Хотя приспособиться можно везде. Пойдем со мной, я что-то тебе покажу.

– Александр, не стоит, наверное, уходить от друзей. Ведь сегодня ты именинник.

– Давай по-простому. Я Сашка. И без меня вполне обойдутся. Мы ненадолго. Я покажу тебе очень красивое место. Здесь недалеко... Не бойся. – Он уверенно кивнул, предла-

гая поверить на слово, и протянул свою руку открытой ладонью вверх. – Идем же...

Яна, словно решившись на подвиг, вложила свою маленькую ладошку в его огромную лапищу, суховатую от набитых мозолей, но такую теплую и надежную. От пристального взгляда Сашки, в который раз за вечер на щеки набежал румянец, на что он лишь улыбнулся своей обворожительной и такой доброй улыбкой.

Довериться? А что ей еще оставалось? Она неспешно шла за Сашей, след в след, боясь оступиться или вновь наступить на хрупкое тельце лягушек, так и снующих среди травы. Идти пришлось действительно недолго. Они вышли из сада и, по более широкой тропинке, так и держась за руки, стали спускаться по небольшому склону.

Сашка, побоявшись, что девушка оступится, слегка приобнял ее за талию. Яна вздрогнула, воззрилась на парня, уже готовясь выдать гневную тираду. Сашка почувствовал ее напряжение и лишь шепотом сказал:

– Тише, Яна, тише. Я просто тебя придержу, здесь можно упасть. Ты же не хочешь ходить с ссадинами?

Ссадины. Какие ссадины? Ах, да. Они ей совсем ни к чему. Сейчас она пыталась успокоить дыхание, подскочившее сердцебиение и легкую дрожь, так не вовремя ее настигнувшую. Саша подумает, что она ненормальная. Но это всего лишь реакция на близость мужчины рядом. К ней вообще редко кто приближался, а тем более касался. Даже от роди-

телей все объятия она могла пересчитать по пальцам. Что уж говорить о таком тесном общении. Для неё это было дико, волнительно, обескураживающе. Тем не менее, она улыбнулась Сашке в ответ.

– Прости, я такая трусиха... Я ужасно боюсь и змей, и лягушек.

– Яна, змей тут точно нет. Ну, и лягушек уже тоже. Мы шумим, а значит, распугали их заранее.

– И все-таки, куда мы идем?

– Сейчас все увидишь сама, – он заговорщицки улыбнулся и, продвигаясь вперед уже более быстрой и уверенной походкой, потянул Яну к ближайшим кустам.

Сердце стучало где-то в горле, не давая вздохнуть. Яна и представить себе не могла, что с ней случится такое. Кричать? Но услышат ли, и какое ярмо потом повесят ее же подруги? Дура, какая же она – доверчивая дура!

А Саша уверенно тянул ее за собой, уже более уверенно приобняв за талию и проведя мимо зарослей орешника, вывел на освещенную луной тропинку. Здесь совершенно не было слышно гомона захмелевшей молодежи, лишь соловьи выводили свою легкую трель для своих милых подружек. Неожиданно впереди, за плотной стеной зелени, заблестела вода. Лунный свет, отражаясь от поверхности небольшого озерца, создавал ощущение сказки – словно снопы искр вырвались на свободу и разлетелись будто светлячки, радуясь теплой ночи.

На откосе песчаного берега разрослась огромная одинокая ива, доставая своими длинными серебристыми косами до самой кромки воды. Тут же, к огромным корням, потрепанным, но толстым канатом была привязана большая рыбацкая лодка. От ее размокшей древесины слегка пахло илом, но это ничуть не портило общей картины. Яна судорожно вздохнула, отпуская напряжение.

– Какая красота, Саша! А она работает? – она обернулась к стоявшему за спиной парню.

– Ты о чем? О лодке? – он тихонько засмеялся. – Да, Яна, она исправна. И если ты хочешь, мы на ней можем покататься.

Яна, смотря в бездонный омут Сашкиных черных глаз, уверенно прошептала:

– Очень хочу, прокати меня пожалуйста! Тут удивительное место, и так красиво!

– Идем, трусиха. Снимай свои туфельки, а то замочишь и испортишь.

Саша, сам быстро скинув кроссовки и закатав штанины до колен, ступил в воду, подтягивая за канат лодку поближе к берегу.

Яна замерла. Не в нерешительности, нет. Сейчас ее чувства с огромной скоростью неслись в обратную сторону, набирая обороты, готовясь к решительному броску – разрушить все правила и установки, душившие ее столько лет. Ведь это так просто сделать сейчас. Она каждой клеточкой

впитывала и эту красоту, и эту свободу, и очарование молодым красивым мужчиной. Как же хочется чувствовать себя живой, настоящей! Любить, дышать полной грудью, и ни в коем случае не думать о том, что скоро наступит завтра.

Яна стояла на берегу, неловко переступая босыми ногами на одном месте, и с каким-то детским щенячьим восторгом смотрела на Сашку.

Куртку он снял и небрежно бросил в лодку, дав возможность Яне увидеть красоту его сильного накачанного тела. Мышцы бугрились, играли под натянутой тонкой футболкой. Да, это вам не худенькие городские зазнайки! Физически тяжелая работа в деревне и непростая подготовка в армии сделали из Сашкиного тела этакий эталон мужественности. И он просто купался в Янином восхищении. Чертовски приятно нравиться такой божественной куколке!

Подтянув лодку к берегу так, чтобы носом она уткнулась в песок и перестала раскачиваться, он обернулся к Яне и быстро оценил ситуацию. Затем, не сомневаясь ни на секунду в своем решении, подошел к девушке, с легкостью поднял ее на руки. Невероятно, да она просто пушинка!

Сашка ждал ее испуга, недовольных капризных реплик, но вместо этого Янка счастливо засмеялась. Искренне, как смеются только дети, и доверчиво прижалась к груди.

За шею, конечно, не обняла, и хорошо. Потому что кровь у Сашки вскипела, неожиданно для себя самого захотелось эту девочку никуда от себя не отпускать. Ну вот это надо же так! Потерять голову с первого взгляда!

Он ошарашено посмотрел на хрупкую фигурку в своих руках, осознавая пришедшую вдруг мысль. Затем бережно донес девчонку до лодки, усадил на сиденье. Прокашлялся и, накинув на ее плечи свою куртку, решил объясниться:

– Яна, сейчас тепло, но, чтобы тебя не искушали комары, ты лучше куртку не снимай. Это в саду их нет, там ловушки стоят, а тут тебя просто съедят. Я сейчас оттолкну лодку от берега, держись крепче, немного может качнуть.

Янка доверчиво улыбнулась и стала закутываться в огромную кожаную косуху, тайком вдыхая пропитавшийся в нее терпкий аромат туалетной воды, пьянящий, с легкой горчинкой. Снова закружилась голова – от впечатлений, от шальных и пугающих мыслей, от близости красивого мужчины. Яна вцепилась в край лодки, из-за плеча тайком наблюдая за движениями парня. Странно, но она совсем перестала его бояться, вот так вдруг. Всего за несколько минут он смог сломать все барьеры, лишь прикоснувшись к ней.

Сейчас было смешно и стыдно от своих недавних, таких глупых мыслей. Сашка, при всей своей простоте и искренности, обращался с ней, ничуть не тесня ее благородство, но и не давая даже повода смеяться над собой. Чувство – какое-то сладкое, томительное – разливалось по телу до самых кончиков пальцев. И единственное, чего сейчас хотелось больше всего, это бесконечно смотреть в его черные бездонные глаза...

Теплый воздух оседал на поверхность воды замысловаты-

ми завитками тумана, стелясь по поверхности, словно степной ковыль. Плеск воды от неспешно опускающихся весел, переливы птичьих голосов – казалось, они попали в волшебную сказку.

– Сашка! Сашка! Беда! Скорее! – крик оравшего с берега парня заставил вздрогнуть обоих, выводя из беззаботного и мечтательного состояния.

– Что там, Васёк? – откликнулся Саша.

– Там братан твой, Колька, по морде от Игоря Кожевникова отхватил, – раздирая горло, продолжал кричать с берега Васька.

– Сейчас буду! – Саша ловко подхватил весла покрепче и, налегая на них, спешно стал разворачивать лодку на месте. – Держись, Янина. Мы возвращаемся. Ей богу, как дети. На десять минут не оставить!

– Что же случилось?

– Да, Колька, брат мой двоюродный, задира тот еще. А Игорь Кожевников приезжий, его с города на лето к бабушке на помощь родители отправляют. Так они как кошка с собакой. Сейчас если начнут месить друг друга, то живого места не оставят. А там девчонки, перепугают еще! Не бойся, сейчас растащу их, не успеют наворотить дел.

На берег он выпрыгнул первым, схватил Янкины балетки и, вернувшись к девушке в лодку, стал ее сам обувать, делая вид, что совершенно не обращает внимания на ее такое очаровательное смущение. А затем вновь взял Яну на руки

и вынес на берег. Васька стоял тут же, ошалело смотря на вожака их компании.

"Пропал парень! За один вечер пропал!"

– Васёк, головой за нее отвечаешь! Споткнется или поцарапается о ветку, я тебе голову оторву! Я побежал, в сад приведешь ее сам!..

Сашка, легонько сжав маленькую ладошку Яны, передал ее другу и скрылся в темноте, убежав вперёд, разнимать друзей. Васек вздохнул.

– Ну что же, принцесса! Не ожидал! Хотя, что удивляться! – Он как-то обреченно махнул рукой и, бережно взяв Янину под руку, потянул за собой, направляясь к узкой тропинке.

Теперь им предстояло преодолеть подъем по склону. И чего Сашка ее сюда притащил?!

На тот момент, когда Яна и Васька дошли до сада, вся заварушка уже была остановлена.

Сашка держал Игоря, вывернув ему руки за спину, а Колька стоял чуть в сторонке, утирая рукавом разбитый нос.

– Козел, – процедил тот сквозь рваное дыхание, – я до тебя доберусь! Благородный, да? Из-за девки забыл, с кем с одного стола ешь? Тварина! Саня, брат, в шею его гнать надо!

– Игорь, не дергайся! Я хочу знать, что у вас тут произошло! – Сашка окинул взглядом толпу ребят, стоявших рядом с Колькой. Те в свою очередь опустили глаза. Парень перевел взгляд на девушек. Они, напуганные и расстроенные, стояли в стороне и успокаивали рыдающую девушку, кажется ее зовут Наталья. К ним подошла и Яна. Догадка, мерзкая и едкая на вкус, осенила парня.

– И кто из вас двоих пошел на это? – тихо спросил он у Игоря. Тот промолчал. Сашка посмотрел на брата.

Колян, тут же вскинувшись, начал оправдываться:

– Да ничего я ей не сделал, пообщаться позвал, прогуляться! Да ты сам, Саня, куда ходил-то?

Договорить он не успел. Сашка, сократив расстояние между ними в две секунды, со всего размаху заехал кулаком в челюсть. Николай, откинув голову вбок, пошатнулся, но не упал. Сплюнул сукровицу, заржал.

– Вот так значит? Тебе можно, мне нельзя? Не по-братски как-то...

– Пошел вон.

– Что, правда глаза колет?

– Пошел вон, я сказал! – рыкнул Сашка.

– Колян, иди уже, не буди зверя, – Васек тянул его за рукав, одновременно подавая знаки другу, чтобы оглянулся.

Саша обернулся на девушек. Здесь разворачивалось второе действо. Теперь их стайка разделилась на две группы. И в одной из них стояли с гордым и независимым видом девушки во главе с Евой, а в другой стояла Яна и зареванная Наташа Синицына.

– Слова уже сказаны, Саня. И тут оправдываться бесполезно. Только отрекошетило это все по Наташе и Яне, – Игорь, стоящий за спиной, говорил тихо, чтобы услышал его только Сашка.

– Что всё-таки у вас тут произошло?

– Колян, увидев, что ты ушел с Яной, пригласил прогуляться Наташу. Ну и, видимо, приставать начал, а она стала отбиваться, плакать. Я услышал случайно, когда в сортир пошел. Так я надавал Коляну по роже. Не смог удержаться. Не по мне такое, знаешь. И тебе бы надавал. Но думаю, ты и сам видишь, что натворил...

А Сашка стоял, в бессилии и отчаянии сжимал кулаки, потому что теперь вся эта история за несколько минут приобрела совершенно неожиданный поворот – ярмо – так по-

спешно и с особым изощренным удовольствием – на девушек уже повесили. Это было видно и по осуждающим взглядам гимназисток, и по растерянному виду Яны и Наташи.

– Девушки, я прошу прощения за поведение своего брата, – Сашка прочистил горло и продолжил, аккуратно подбирая слова и определённо волнуясь, – это отчасти и моя вина, не досмотрел. Прошу вас не бояться, никто вас не тронет.

– Мы это уже от вас слышали, Александр, – вновь Ева выступила вперед, словно насадка, защищающая своих цыплят. – И знаете, больше мы вам не поверим. Тем более, отрицать бесполезно, что вы, Александр, сами и нарушили свое слово. Но это уже проблемы Янины и Наташи. А нас, будьте добры, проводите туда, где мы бы смогли устроиться на ночлег. Думаю, с вас будет достаточно компании этих двух... Благодарим за гостеприимство, но такое обращение нам не по душе и не по статусу.

Сашка смотрел на гаденькую ухмылку этой долговязой и высокомерной девушки, так храбро защищавшей лишь тех, кто неукоснительно выполнял неписанные правила их высокоблагородного общества. Во рту появился солоноватый вкус от прокушенной до крови губы. Да, он злился. И на этих мадемуазелек, и на Кольку, и больше всего на себя.

– Хорошо, вас проводят. Васек, сможешь проконтролировать? Трех можно к Решетниковым проводить, одну поселить у учительницы, Егоровой Марины Петровны, а еще два места есть у сестры Юрия Андреевича. Он со всеми уже до-

говорился.

Васек кивнул и подал знак, что все устроит в лучшем виде. И галантно поклонившись, подражая грации павлина, позвал девушек следовать за ним. На поляне воцарилась тишина. Игорь подошел к Наташе, накинул на нее куртку, увел к столу, уговаривая попить горячий чай.

Сашка посмотрел на Янину. Она стояла растерянная и поникшая. Волна нежности к девушке и негодования на самого себя переполняли душу. К черту, какой из него вожак, если вот так не смог даже просчитать ситуацию? М-да, наворотил дел. Пнув мелкий камешек из-под ног, он набрал в грудь побольше воздуха и подошел к девушке.

Её уже била крупная нервная дрожь, а из глаз вот-вот были готовы пролиться слезы. Он сгреб Янку в охапку, прижал к себе и, уткнувшись в ее волосы носом, прошептал:

– Тише, моя девочка, тише! Я никому не дам тебя в обиду...

Утро было томным и невероятно сладостным. Яна вдыхала пряный, с легкой горчинкой, аромат его кожи. Терлась носом о предплечье, нежно гладила заросшую темным жестким волосом грудь. Прошагала пальчиками от твердого соска вверх по гладковыбритой шее и выпирающему кадыку, задержавшись на миг на ямочке квадратного подбородка, а потом очертила, словно легким перышком, контур чувственных губ.

Притворяться спящим дальше не имело никакого смысла, все тело горело огнем, и Сашке хотелось просто подмять под себя эту несдержанную хулиганку, так быстро спугнувшую его утреннюю дрему.

Но с Яной так нельзя, он не мог и не позволял себе таким образом с ней обращаться, стараясь как можно меньше травмировать и без того её хрупкое тело. Итак на коже любимой часто оставались синяки от его случайной неосторожной и сильной хватки. Каждый раз ему было мучительно стыдно за это, поэтому сейчас он просто бережно взял ее тоненькую изящную кисть и нежно поцеловал каждый пальчик. Счастливая Янка тихо засмеялась.

– Саша, милый. Я хочу с тобой прогуляться по парку. Утро потрясающее, солнечно, свежо.

– Мое самое потрясающее утро – это проваляться с тобой

до обеда в постели. Мне кажется, я бы смог так каждый день!

— Хорошо бы, но тогда я не смогу проводить уроки в детском саду. Кстати, недели две у меня их не будет. На втором этаже делают ремонт. Занятия отменены.

— Мм-м, какая прекрасная новость! Может быть, тогда всё-таки созвонимся с Кожевниковыми? И рванем к ним на пару дней?

— Думаю, что сможем, Саш. Я Алине Москвицкой и Даше Стояновой репетиции перенесу на следующую неделю. Они все равно сейчас готовятся к выпускным экзаменам, и небольшой передышке будут только рады. А мы вполне можем себе позволить отдохнуть за городом!

— Ну, тогда давай, встаем, завтракаем, гуляем в твоём парке, пока не сильно жарко, а потом решаем вопросы, связанные с поездкой. Наташке с Игорем сейчас ещё слишком рано звонить. Они, как всегда, точно спят до одиннадцати.

Яна легко соскользнула с постели и, потянувшись, выполнила несколько танцевальных па. Жаль, хорошую разминку сегодня сделать не получится. На это обычно уходит час-полтора, но, когда Сашка был дома, она ради мужа старалась сводить свои тренировки до минимума. Зато будет прекрасная прогулка на свежем воздухе. И, возможно, даже легкая пробежка. Напевая любимую мелодию, на цыпочках, вытягивая наружу носочек и поставив руки в позицию, продефилировала до ванны, совсем не услышав, как сзади подкрался любимый. Взвизгнув, она подлетела в воздухе, подброшен-

ная Сашкой, и тут же была поймана обратно в его крепкие объятия.

Ну все, теперь он не отпустит. Затащит в ванную и будет доводить ее до пика блаженства, намыливая и лаская каждую частичку тела, одновременно шепча на ушко всякие пошлые глупости. Этот ритуал Сашка точно не пропустит.

На прогулку они все же успели, ради этого пожертвовав завтраком. Сашка убедил жену, что не прочь скинуть пару килограмм и даже немного побегать.

Одевшись в спортивную форму, они около часа бегали вокруг озера в парке, периодически останавливаясь на передышку. В такие моменты Сашка вновь ее прижимал к себе и жарко целовал, несмотря на косые взгляды прохожих. Месяц без жены, в полевых условиях, казался ему каторгой, но менять профессию он не хотел. Между комфортным проживанием и хорошим заработком он выбрал последнее, стараясь обеспечить любимую всем, чем было необходимо, стремясь сгладить ощутимую разницу в образе жизни супруги до и после замужества.

Яна тоже скучала, безумно скучала по мужу. Особенно остро в первое время, находясь в чужом для нее городе, совершенно одна, без родных и знакомых. Тогда ей пришлось приспособливаться к новой жизни, в которой нужно нести ответственность и принимать решения самой, пока Сашки неделями не было дома. Одни только походы в магазин за продуктами чего стоили. Оказалось, что Яна, практически

выросшая в гимназии и никогда ни в чем не нуждавшаяся в силу обеспеченности их семьи, совершенно не понимала основ простой обывденной жизни. И потому ежедневные житейские дела доставляли кучу проблем и море пролитых слез. Порой она даже Сашке пожаловаться не могла, боясь признаться в собственной глупости.

Не сразу, но Яна научилась составлять списки дел и покупок. Сменила одежду из элегантной на более удобную, а высокие шпильки – на устойчивый каблук. Подписалась на кулинарные каналы в интернете, попутно читая о секретах домоводства. Со временем завела новые знакомства. Потом стала подрабатывать репетитором, чтобы хоть кому-то передавать свои навыки, так как в детском саду за несколько часов пиликанья на расстроенном старом пианино невозможно было удовлетворить свои творческие потребности. Они справились, не сломались, прогибаясь и уступая друг другу, при этом не ущемляя интересы каждого, и продолжали любить несмотря ни на что. Возможно, благодаря этому, легко избежали так называемые периодические пресловутые семейные кризисы.

В их жизни была лишь одна драма. Не смотря на абсолютно хорошее здоровье и Яны, и Сашки – у них не было детей. И если первые неудачные попытки ещё, казалось, можно было отнести к сильной депрессии или истощенному организму юной Яны, то последняя беременность замерла на четвертом месяце. Именно тогда, когда она уже чувствовала

ла, как шевелятся ручки и ножки, как толкается малыш изнутри... И ведь ничего не предвещало беды. Яна цвела, порхала, словно бабочка. А Сашка надыхаться на нее не мог. Взял отпуск, чтобы как можно больше проводить времени с женой, пока не прошел критический период, когда риски потерять ребёнка были очень высоки.

Они прошли этот путь рука об руку, старались выполнять все рекомендации. Ежеженедельно проходили медицинский осмотр у лучшего акушера-гинеколога их города. Им дали точный стопроцентный прогноз, что никаких патологий развития ребенка и течения беременности нет.

А с работы уже настойчиво звонили и просили Сашку выйти в смену, не брать внеочередной отпуск. И он уехал, звоня любимой по сто раз на дню. Ведь чувствовала она себя хорошо...

Но через неделю на очередном осмотре ей сообщили, что сердце малыша больше не бьется.

Сашка ревел и выл диким зверем, сидя на земле в лесопосадке, недалеко от жилого вагончика в вахтовом поселке. Рвал землю, раздирая пальцы до крови.

Выл здесь, выплескивая свою боль и горе, потому что через пару часов отойдет от наркоза Яна, и тогда он должен будет взять себя в руки и разговаривать с ней ласково и спокойно. Чтобы суметь поддержать, чтобы в очередной раз доказать свою любовь, объяснить, что она ни в чем не виновата.

Словно вынырнуть из омута и научиться дышать дальше,

жить. Вот это самое сложное. А не эти бесконечные ссоры, как у других, за грязную посуду и невынесенный мусор.

И Яна, и Саша даже в чем-то гордились, что их союз настолько крепок, несмотря ни на что...

Янка с наслаждением прижималась к Сашке и практически висла на нем, пока они, уставшие и довольные после пробежки, возвращались из парка. Они научились жить в своем мире, не впуская в него других, не обращая внимания на чужую жизнь. Янка весело щебетала, рассказывая о любимых ученицах, Саша слушал внимательно, просто наслаждаясь минутами, проведенными вместе. Подходя к подъезду, они взялись за руки, приветливо поздоровались со старушками, оккупировавшими лавочку.

Старые постройки предполагали узкие арочные входы в подъезд, с колоннами и крутым спуском практически до цокольного этажа, а затем внутри – таким же крутым подъемом. Янка легко спустилась по ступенькам первая, открыла скрипучую пошарпанную дверь, проскочила внутрь. Сейчас будет борьба за первенство по подъему на четвертый этаж. И уже след в след нагоняя ее, в проходе Сашка услышал снова брошенное им в спину: "Да, да, точно вам говорю, пустая она..."

«Черт бы побрал этих старых набитых дур! Вечно всё знающих и всё видящих!» – Сашка ужасно злился. Он даже не сомневался, что у этих старушек, на первый взгляд – таких божьих одуванчиков, наверняка хватало наглости напрямую задавать его супруге бестактные вопросы о личном. Но даже если это и так, Яна никогда не скажет ему об этом, не пожалуется.

Она необыкновенно сильная и независимая. Считает, что со всеми трудностями может справиться сама. Так она и с родителями борется до сих пор, а вернее с их непримиримой войной с замужеством дочери. И Сашка пытался первое время вмешиваться и отстаивать свои права. Но позже, когда стало понятно, что родители Яны не изменят своего отношения, она просто попросила его отстраниться и не обращать внимания.

Ей было тяжело постоянно находиться между двух огней. И для Саши было единственным выходом – увезти жену в другой город. В переезде помог, как ни странно, Игорь Кожевников. Их дружба— крепкая, настоящая, – завязалась в ту злополучную ночь, когда они поругались с лучшим другом и братом Колькой. Тогда он совсем по-другому взглянул на этого задиристого городского паренька.

Игорь не побоялся высказать ему свое мнение о прогулке

с Яной, заступился за Наташу, ну а потом, в продолжении вечера, очень резко и принципиально обрывал любые пошлые намеки ребят, показав, что их «тупые домыслы ничего общего с реальностью не имеют».

Настроение тогда, после заварухи, у всех значительно упало. Кто-то перебирал простые аккорды на гитаре. Разговор не клеился. Девчонки сидели притихшие и аккуратно, не торопясь, пили горячий чай, заранее приготовленный в огромном старом самоваре.

Сашка и Игорь молча переглядывались. Обсуждать что-то было бессмысленно, да и, наверное, уже стоило завершать посиделки.

– Девушки, давайте, мы вас проводим спать. – Сашка старался говорить уверенно, хотя волновался чертовски. – Есть два варианта. Либо каждую расселяем в отдельный дом, либо обеим вместе можно переночевать у моих родителей, места достаточно.

Яна встрепенулась и, глядя на него огромными влажными глазами, тихо спросила:

– А ты где будешь?

За столом среди ребят прошел ропот, проскользнули скабрзные ухмылки, но Сашка сдержался. Что толку сотрясать воздух?

– Я у Игоря переночую. Он мне обещал матрас на пол постелить. В общем, со всеми удобствами, – постарался отшутиться Сашка. – Сейчас вы спокойно отдохнете. Завтра

утром, как только все решится, вас разбудят. Соберетесь, позавтракаете, потом вас с подругами отвезут к автобусу. А там уже и домой.

– М-да уж, с подругами... – тихо пробурчала Наташа. – В одном месте я видела теперь этих подруг.

Яна ахнула, в недоумении глядя на Наташу. Та часто позволяла себе грубые словечки, но никогда – в отношении своих знакомых. Наверняка, их сокурсницы просто переволновались. И завтра будут вести себя совсем по-другому.

– Ну что ты, Наташа, не надо так.

Сашка помог Яне выбраться из-за стола, бережно удерживая за маленькую дрожащую ладошку.

– А нас... а мы не помешаем твоим родным, не стесним?

Саша молча покачал головой в ответ.

Дивная маленькая пичужка! После всего пережитого она все равно беспокоится о других. Наташу поддерживает и успокаивает, хотя вначале не особо-то они и общались. Уж подругами явно не были. Он нежно приобнял ее за плечи, стараясь удержать на ней постоянно сползающую кожаную куртку. Невероятно, какая же она миниатюрная, даже по сравнению с той же Наташей. Вон, Игорь тоже набросил на плечи спутнице свою косуху, но, однако, она в ней не утонула. Дома мать сразу приняла девушек с расprostертыми объятиями, отправила их ополоснуться в теплую еще баньку, выдав каждой по огромному махровому халату. Сашка с Игорем были выставлены за дверь с добрыми пожеланиями

спокойной ночи.

– Идите, идите, ироды распроклятые, – увещевала добро-сердная Нина Григорьевна, – перепугали девок, небось, мотоциклами своими, вон на них лица нет! Марш отседова, или гуляйте, или рыбачьте, мне все равно! Мест нет, усе закрыто.

Было смешно, конечно, но сопротивляться и не думали. Действительно, не стоит девчонок смущать. Ушли к Игорю, по пути обсуждая случившееся. К ребятам в сад возвращаться совсем не хотелось. Сами разбредутся, не маленькие.

Проговорили полночи, словно барышни перед свадьбой. Оказалось, что у них много общих интересов, да и вообще отличным парнем был этот Игорек. Уснули под утро, уверенные, что по привычке все равно встанут рано. Но проснулись лишь, когда в окно уже всюю припекало солнце. Не торопясь умылись, позавтракали.

– Игорь, пойдем ко мне. С девчонками пообщаемся. Да и их, наверное, нужно будет проводить. Глава наш говорил, что как к утру автобус починят, так они сразу уедут. Знаешь, мне так Яна понравилась, очень. Хочу телефон спросить и извиниться еще раз. Может позже еще сможем увидеться.

– Я только «за». Наташкин я номерок взял, – похвалился Игорь. – Мы, представляешь, оказывается соседи по дачам с ее родителями. Может, еще и в городе встретимся. Я тут все равно ненадолго, пока дед в больнице. А потом свалю нафиг. Не по мне эта деревенская жизнь.

Сашка лишь ухмыльнулся. На душе было беспокойно и

как-то гадко. Он привык доверять своим предчувствиям, तो-ропился уйти домой. Предстоящая встреча волновала.

На полпути к дому им встретился Юрий Андреевич, по хмурому взгляду которого стало понятно – сейчас влетит по полной.

– Александр, я от тебя, право, такого не ожидал! – Он сухо откашлялся, подбирая слова, и продолжил: – Поручился перед всеми за тебя, надеялся на твою сознательность. И что получается? Гости наши, не свет ни заря, пришли ко мне под окна, попросили их доставить к автобусу. Говорят, ни минуты тут больше не хотим находиться, парни ваши хамло, как есть хамло! Саша, я ведь на кого угодно, но на тебя бы не подумал! И ты, Кожевников, почему Николая Смирнова избил? Хорошо, что участкового у нас теперь тут нет, а то бы уже вцепился в вас клешнями своими.

– Юрий Андреевич, мы же...

– Молчать, я сказал! Молите бога, чтоб девочки никому не пожаловались нигде! А то сраму не оберешься! Это же надо такое, час прошел как познакомились, и сразу руки распускать! Вы ослепли что ли, олухи, совсем не видите, какого полету птички эти!

– Виноваты, Юрий Андреевич, хотим извиниться. Где они сейчас? При вас прощения попросим, – Игорь взял интонацию чуть выше, чтобы немного остудить пыл раскричавшегося главы сельсовета.

– Уехали. Отвез я их на уазике своем. В два захода отвёз.

Автобус сразу и уехал.

– Как уехал? Наладили уже? – заметно расстроился Сашка.

– Наладили. Еще раз вам, ребята, говорю, чтобы больше такого не повторялось! И это, Сашка, как придешь домой, у бати спроси, осталась у него косынка с мелкой ячейкой или нет, порыбачить вечером хочу.

– Хорошо, спрошу.

– И позвонишь мне, сразу скажешь ответ! Чтобы если что, я еще поискал.

– Позвоню...

Сашка стоял, как вкопанный, смотря на удаляющуюся фигуру Юрия Андреевича, коренастого седовласого мужичка. Правил в их поселении он уже лет двадцать как, авторитет его был непоколебим, и уважение его ещё стоило заслужить. Да и дружили они с Сашкиным батей. Отчитал, как мальчишку. Ладно, сам виноват. Жаль, что Яна уже уехала.

– Саня, я пойду тогда домой. Не понимаю, Наташа-то что не позвонила? Не попрощалась.

– Пошли до меня уж, может что на словах передали. Да с моими тебя познакомлю.

– Ну, пойдем. Заодно мне покажешь, что ты нам за багажник купил. Подумаю, может, тоже закажу.

Настроение порядком упало. Шли, разговаривали о своем, обсуждали доставку железок с Китая, есть ли выгода, или лучше в магазине брать. Уже во двор зашли, открыли двери

в сени, как на них с полотенцем Нина Григорьевна налетела:

– Бу-бу-бу, бу-бу-бу, ироды, приперлись! И чего шумите, – шипела она на ребят, как рассерженная кошка. – Девчат разбудите ведь! Спят, яки ангелочки! А вы тут грохочите! А ну, марш отседова! Вон, в беседку за домом идите!

– Мам, какие девчата, – не понял Сашка. – Они что не уехали?

– Куда уехали? Никуда не уезжали. Спят, за ними и не приходил никто. А что случилось, Саш?

– Ничего мам, подожди, сам не пойму. Я Юрию Андреевичу сейчас позвоню, спрошу. У них автобус вроде наладили же, он сам всех до дороги отвозил.

Он тут же набрал номер главы и, не сдерживая гнева, спросил:

– Юрий Андреевич! Да, это я. Нет, не про косынки, не узнавал еще. Вы мне скажите, вы скольких девушек увезли? Шесть? А почему Яну с Наташей не забрали? Что? И вы поверили? Да, вот так. Разберусь. Сам. Спят еще. Решу.

– Что Саш? — мать стояла бледная, прижав полотенце к груди.

– Ева, их старшая, объявила, что Яна и Наташа останутся здесь. Представила все так, что якобы девочки наши сами об этом им вчера заявили, что никуда возвращаться не собираются. Ну и... – Сашка выдохнул, сдерживая рвущийся наружу гнев, – этих шестерых Юрий Андреевич сам к автобусу отвез. Не стал разбираться, что к чему. Автобус уже уехал.

Часа два как...

– Вот же, а! Это ж что делается-то! Сашка...

Саша стоял, оглушенный этой новостью, испытывая двойные чувства. С одной стороны, злился на этих "высокородных выскочек", а с другой стороны был безумно рад, что все же увидит Яну. Что он не найдёт способ, как ее в город доставить, что ли? Теперь только как-то это нужно девочкам помягче объяснить.

Только объяснять ничего не пришлось. Когда он поднял взгляд, то возле двери увидел Яну. Она стояла в проходе, вся бледная, беззвучно глотая слезы.

Шарик скользил, раздражая холодом, заставляя мышцы сжиматься в легких спазмах. Было смешно и щекотно. Но Янина стойко терпела эту экзекуцию, уже ставшую такой привычной.

Врач внимательно, не пропуская ни миллиметра пространства, просматривала изображения на большом плоском мониторе.

– Яна Георгиевна, я вновь сообщу вам то же самое, что и всегда. Вы совершенно здоровы, никаких патологий я не вижу. Яичники работают, трубы с абсолютно нормальной проходимостью, без воспалений, стенки матки однородные, ну и фертильность в самом разгаре. Так что пробуйте. В вашем случае, так или иначе, должно все сработать. Я, честно говоря, не понимаю, почему так долго ничего не происходит.

Яна в ответ лишь грустно улыбнулась и вздохнула. Она, чтобы скрыть вдруг набежавшие слезы, спешно схватила салфетку и начала стирать прозрачный гель с живота.

Врач, ставшая практически родной за эти годы, одна из лучших специалистов, как и всегда прогнозировала лучшее. Что же не получается-то! Словно почувствовав ее состояние, она ухватила Яну за руку и, легонько погладив, ласково сказала, глядя, кажется, в самую душу:

– Яна, все получится. Рано или поздно. Нужно верить.

– Спасибо, Анна Андреевна. Вера только моя утасает с каждым годом. Я устала. Думаю, может взять ребеночка из приюта?

– Не торопись с таким вопросом. Не торопись, девочка. Поверь, нет там в приюте детей профессоров и балерин, нет. Большинство из них – с врожденными патологиями, и очень редко здоровы. Я знаю, о чем говорю. Я двадцать лет в роддоме проработала, посмотрелась, какие кукушки своих кукушат бросают. Кто-то сможет взять ребенка приемного. Ты – нет.

Яна недоуменно смотрела на эту пожилую женщину, уже собираясь возразить. Но та остановила ее:

– "Чужих детей не бывает" – это слишком громкие слова. Заботиться, исполнять роль родителя можно научиться. Но полюбить... – она вздохнула и покачала головой. – Ребёнку нужна прежде всего любовь. Любовь и поддержка, понимаешь. А если в один прекрасный день ты забеременеешь, а приемыша так и не сможешь полюбить? Не каждому это дано, Яночка. Иначе не было бы у нас ни детдомов, ни бездетных семей.

Она еще раз тяжело вздохнула и, отпустив Янину руку, стала убирать аппарат УЗИ в стойку. Дорогая клиника, где Яна наблюдалась последние несколько лет, была оснащена самым современным оборудованием. Лучшие врачи слетались сюда, как пчелки. И трудились не покладая рук, решая самые сложные проблемы. Да, им с Сашкой приходи-

лось выкладывать круглую сумму, чтобы наблюдаться здесь. Но муж настаивал именно на этой больнице. А сколько их было до... Яна не противилась такому решению. Не обо всех своих страхах она могла поговорить с мужем, которого и так часто не бывало дома. Здесь для нее мог уделить время каждый врач, успокоив и дав дельный совет. Вот и Анна Андреевна взяла на себя роль заботливой родительницы и никогда не отказывала во внеочередном приеме.

Сегодня, пока Сашка собирал вещи для пикника, чтобы выехать вечером на дачу к Кожевниковым, Яна решила сбежать в клинику и сделать УЗИ. В последние дни она чувствовала непривычную резь внизу живота и переживала, не простудилась ли. Анна Андреевна успокоила, попутно отправила сделать анализы. Так, на всякий случай. Но результаты будут готовы только через день. Их пришлют по почте или, если что-то не так, позвонят лично.

Яна тепло распрощалась с доктором и выскочила в коридор. Дыхание сбилось вдруг, словно получила удар под дых.

Не зря, видимо, в этой клинике строго распределяли время посещений пациентов. Яна этого не учла. Сегодня день приема "счастливых беременчиков", как их тут называли. Довольные и счастливые будущие мамы сидели в удобных креслах, ожидая очереди приема у врачей, и с нежностью наглаживали свои выпирающие пузики.

– Яна, тебе еще анализы сдать нужно, – голос Анны Андреевны она услышала из-за спины, но обернуться не смог-

ла, заморожено смотря на женщину в кресле, напротив окна.

Рассеянно кивнув, побрела по коридору, вцепившись в маленькую сумочку, словно в ней было спасение. Да, ошибки быть не могло. Там, радостно щебеча по телефону, совершенно не похожая на себя – располневшая, со смешной загогулиной из волос на голове, в какой-то нелепой растянутой футболке и в облегающих, ядовито-розового цвета лосинах – сидела Ева Вишневская. Та самая, которая устроила адскую жизнь в последний год обучения Яны. Та, которая от всей души завидовала Янкиным успехам, и там, где могла подставить ей подножку, с изощренным удовольствием делала это. Та, которая, видимо, сама запала на молодого и красивого жоака, на ее любимого Сашку, но так и не смогла привлечь его внимание. Ни вечером в саду на пикнике, ни потом, когда Сашка приезжал к Яне и часами ждал ее возле гимназии, чтобы хотя бы несколько минут побыть вместе, пока за ней приедет водитель. И эта же самая гадина позвонила Яниным родителям, чтобы "известить о неподобающем поведении дочери с каким-то плебеем".

А теперь эта самая дрянь, счастливая и довольная жизнью, сидела в удобном кресле, наглаживая свое раздутое пузо, всем своим видом показывая, что ей дела нет ровным счетом ни до чего. И у нее... У нее! Будет ребенок. Она беременна. Бог, вот этот самый, который справедлив ко всем, он этой дряни ребенка почему-то дал! Дал, не смотря на то, сколько зла эта гадина сделала окружающим. И только то,

что Яна оказалась не единственной пострадавшей от злых проделок Евы, только то, что среди гимназисток все же нашлись те девочки, кто встал на сторону Янки, дало ей возможность не сломаться и доучиться последний год в гимназии. И, в конце концов, получить эту чертову золотую медаль, и этот чертов значок скрипичного ключа, украшенный россыпью бриллиантов. И статус лучшей ученицы.

Слезы душили, как и воспоминания, как и ненависть к той позолоченной клетке, в которой Яне приходилось расти. И слава все тому же, видимо, Богу, что она вырвалась из этого ада. Вырвалась. И счастлива! Счастлива, счастлива... Все равно счастлива...

Давясь глухими рыданиями, Яна добежала до нижнего этажа, но в последний момент решила не выходить из здания. Она быстро свернула в боковой коридор и зашла в свободную туалетную комнату. Дрожащими руками закрыла замок и швырнула сумочку на пол. Потянулась к умывальнику.

Дикая, оглушающая фантомная боль внизу живота снова заявила о себе, заставляя ее согнуться пополам, словно сломанную фарфоровую куклу. Скуля и обливаясь слезами, Яна сползла по стенке на пол. Казалось, что там внутри, выдрали кусок мяса, и теперь вместо него – рваная леденящая черная дыра, которую невозможно ничем заполнить.

Спазмы выворачивали наизнанку, Яна скребла кафель пола ногтями, пытаясь дотянуться до сумочки. Там успокоительное. Две пилюли, надо только дотянуться, успеть до об-

морoka... Не дай бог ей тут отключиться, и кто-нибудь в таком состоянии её обнаружит. Тогда поднимут шумиху, узнает Сашка. Нет, нет, надо взять себя в руки. Все будет хорошо. Все сейчас пройдёт. Нужно дышать, дышать глубоко. Глубоко.

Тьма отступала. Яна рванула пуговицы вымокшей от слез блузки. К черту ее, эту ровную жемчужную строчку, так хочется, чтобы прохладный воздух остудил горящую адским огнем грудь.

Яна, подтянувшись за край раковины, поднялась на дрожащих ногах и включила холодную воду. Сначала остудила руки, потом лицо и шею. Нестерпимо хотелось попить, сделать хоть маленький глоток, чтобы прошла эта горечь во рту, грозившая перейти в приступ рвоты. Она набрала в ладони мутной хлорированной воды и с жадностью припала губами.

Несколько глотков, сейчас будет легче. Сейчас все пройдет...

Спустя пять минут, когда дверь в туалет периодически начали дергать снаружи, Яна очнулась. Она, стоя у окна с открытой форточкой, жадно вдыхала свежий воздух и бездумно смотрела на соседствующее с больницей серое здание.

В дверь снова постучались, какая-то санитарка, скорее всего, спросила:

– С вами все в порядке, вам не нужна помощь?

– Нет спасибо, – голос охрип, – я уже выхожу.

Пригладила волосы, схватила сумку и, зажав ворот блузки,

ки рукой, посмотрела на себя в огромное, начищенное до блеска зеркало.

– Так что никакой ты не бриллиант, Янина. Раз даже ребенка Бог тебе не дает...

Стресс, словно лавина, накрыл с головой. Очередной приступ боли оказался самым сильным по сравнению с теми, что были ранее. Яна наглоталась обезболивающих и успокоительных. Муж суетился, и, казалось, не замечал ее состояния. Чтобы лишний раз не показываться ему на глаза, она ушла в спальную комнату. Осмотрев свой гардероб, вяло принялась собирать сумку. Вытащила пару комплектов чистого нижнего белья, шорты, майку, спортивный костюм. Вот и все, пожалуй. Остается захватить пару банных полотенец. Но это – в другой пакет.

В голове шумело, глаза слипались. Как только она уселась на пассажирское сидение в их "туксончике", напало безразличие и апатия. Ехать чуть больше часа.

Село Ивановка, а по факту дачный поселок, вольготно растянулся как раз между двумя городами – там, где Яна родилась и выросла, и там, где они сейчас живут с Сашкой. Несмотря на простое название, Ивановка никак не претендовала на садово-огородническое товарищество. Коттеджи – один другого краше – больше походили на застройки элитного жилого района. Дорога новая, трасса не загружена, так как идет в обход от основной магистрали. Можно спокойно спать.

– Малыш, ты не заболела?

Яна сквозь сон бессвязно промычала, помотав головой. Сашка недоуменно посмотрел на спящую супругу, укрыл ее легким пледом, пристегнул ремень и тронулся в путь. Наверное, он снова переборщил, малышка переутомилась и просто не выспалась ночью. И все-таки Яна слишком бледная, нужно почаще вывозить ее из города.

Он с нежностью взял ее за руку и практически не отпускал всю дорогу. Сердце неприятно ныло. Какая-то туча вновь сгущалась над их гнездышком, он чувствовал это всем нутром, но поделиться с Яной не мог, не хотел беспокоить. И ещё ситуация эта, с беременностью. Кажется, у жены это переросло в одержимость, но так нельзя. Что же делать ему? Что же делать...

Может быть, им друзья что-то дельное скажут?

Кожевников Игорь с Наташкой поженились тем же летом, как только познакомились. Общались уже здесь, в своем городе. Расписались тайком, благо Наташе уже исполнилось восемнадцать. Для этих оболтусов это было как очередное приключение. Потом сознались родителям, ожидая взбучку и возможные скандалы, но что-то пошло не так.

То ли родители Игоря слишком обрадовались, что сын при жене остепенится и перестанет чудить, то ли родители Наташи, удовлетворенные хорошим выбором их дочери, поняли, что она попала в приличную семью. Противиться никто не стал, дружно порадовались, что сэкономили на сва-

дье, отправили молодых на две недели на черноморский курорт, а потом выдали ключи от однушки.

Маленькая, но полностью оборудованная и меблированная по последней моде квартирка расположилась в центре города, недалеко от художественной гимназии, где училась Наташа, практически по соседству с Игорехиным институтом.

Молодожены хоть и удивились такому повороту событий, но в чувствах своих не остыли. А благодаря их уютному гнездышку и завязавшейся между ребятами дружбе, у Яны и Сашки вновь появилась возможность встречаться.

Сейчас же Кожевниковы всей семьей переехали на дачу Наташиных родителей, на постоянное место жительства. Для двух пацанят, Ваньки и Митьки, что родились практически друг за другом, свежий воздух и простор шел лишь на пользу. Да и сама Наталья ничуть не тосковала по городу.

Игорь работал большую часть на удаленке, выезжая из дома только по делам или изредка на несколько дней в командировки. И если кому расскажи, что вот эти, располневшие и довольные жизнью люди, когда-то были теми еще шалопаями, никогда бы никто не поверил.

Наташа, после выходки Евы, в гимназии стала плечом к плечу с Яной, поддерживая во всем свою новую подругу. За словом в карман не лезла, отпор давала любой выскочке, пытающейся подражать Вишневской. Относилась к Яне, как к своей сестре. Да и потом, когда разразился скандал с родите-

лями, узнавшими о встречах дочери с деревенским парнем, именно Наташка с Игорем стали единственными, кто поддерживал их союз.

Яна спала мятежно, проваливаясь и выныривая из цепких оков сна всю дорогу. Казалось, что она тонет, и ей не хватает воздуха. Но очнуться и выбраться из этого водоворота она не могла. Потом стало легче, теплее, уютнее. Легкое касание губ, щек, глаз, теплый воздух щекочет шею. Она улыбнулась, это Сашка, ее любимый хулиганистый муж.

– Спасибо, никак не могу проснуться, голова тяжелая. В ответ молчание, но вместо слов – поцелуй, глубокий, горячий, сметающий остатки тяжелого сна. Большие и теплые ладони пробираются под кофточку и ложатся на живот, скользят по нежной прохладной коже вверх, до упругих холмиков спелой груди. Яна распахивает глаза, но горячая волна удовольствия прошивает насквозь, от сжатого жаркими губами соска поднимается вверх к горлу, переходит в приглушенный стон, заставляет дрожать и выгибаться навстречу любимому. Сашка смеется, снова покрывая поцелуями лицо, шею, руки, поправляет чашечки кружевного бюстгалтера и опускает на место шелк блузки.

– Яна, ворота уже открыли, мы въезжаем в дачный поселок, просыпайся. Или ты хочешь, чтобы наш страстный секс в машине увидели все жители через камеру наблюдения? Сон как рукой сняло.

– Саша!

– Да, малыш, я тебя тоже люблю. Но будить тебя по-другому я не решился. Иначе у тебя бы так и было весь вечер дурацкое настроение. А сейчас, посмотри, как прелестно ты улыбаешься.

Яна прижала прохладные ладони к разгоряченным щекам. Неужели она так быстро распалилась? Буквально расплавилась от Сашкиных поцелуев в считанные секунды, еще и, возможно, у всех на виду. По довольному лицу мужа стало понятно, что он это взял на заметку. Быстро одернув задравшуюся короткую юбку, она, смущенная своей реакцией, отвернулась к окну.

– Яна, ты как девочка, ей богу. Знаешь, милая, хотеть мужа – это нормально.

В ответ она хитро улыбнулась и скорчила мужу уморительную мордочку.

– Действительно, любимый, какой хороший способ, чтобы проснуться в добром настроении!

– Прощен?

– Люблю тебя!

– И я...

Ворота жалобно пропищали, подавая знак, что скоро автоматически закроются. Сашка дал по газам, подняв клуб пыли из-под колес. Черт, надо как-то держаться. Не хватало еще дергаться из-за любого предчувствия. Все будет хорошо.

Он потянулся к магнитоле, и прибавил звук радио. Напря-

жение развеяла популярная задорная мелодия: "... а потом о любви говорить до утра, это юность моя, это юность моя..."

– Привет, мои дорогие! – громкоголосая Наташка, выбежала с веранды и кинулась обниматься с гостями. – А как выросли-то, а как загорели-то! Ой, наоборот, бледненькие какие! – хохотала она, продолжая тискать и целовать друзей, приговаривая словами из известного советского мультфильма. – Идемте, идемте, как давно мы не виделись! Проходите. Игорь – на заднем дворе, мангал разжигает.

Словно вихрь, она без умолку болтала и кружила вокруг гостей, предлагая тапочки, выхватывая сумку из рук Яны, и подталкивала друзей ко входу в дом.

– Натаха, погоди ты! – сопротивлялся Сашка ее напору. – Я к Игорю пошел, а вы тут поболтайте пока, а потом к нам. Если помощь нужна будет, зовите. – И, не дожидаясь ответа девчонок, тут же ретировался.

– А мальчики где? Что-то тихо у вас.

– Янка, ну какие мальчики? К бабушке мы их отправили. Вон, через две улицы. С ночевкой забрали.

– Ну вот...

– Тебе ну вот, а у меня от их выкрутасов уже глаз дергается, пусть вон Кожевниковы своих отпрысков повоспитывают. Все в них пошли, неуправляемые совершенно, знаешь! Я им одно, а они свое, я им говорю, а они опять по-своему, ну хоть кол на голове теши! И знаешь, что? Игоря они, главное,

слушаются, а меня вот – ну ни капли... Ян, ты что расстроилась? Да ладно тебе, мы их утром вернем домой, поиграешь с ними! Ну, чего ты, Ян? Ты чего реवेशь-то? – растерянная подруга прижала рыдающую Янку, приняла в свои материнские объятия. – Ян, что случилось, Яна? Тебя Сашка обидел?

Та лишь бессвязно промычала, пытаясь подавить всхлипы, но ничего не получилось, замотала головой.

– Так, все, хватит реветь. – Наташа взялась утирать натянутым на кисть рукавом трикотажной кофты слезы со щек Яны. – Я знаю, что мы сейчас сделаем. Мне помощь твоя нужна, пойдем, подруга.

Она схватила Янку за руку и потянула за собой в дом, идя напролом, не останавливаясь, словно боялась, что та начнет сопротивляться.

– Идем, идем. Я тебе сейчас погреб покажу свой, обновленный. Игорь же мне стеллаж смастерил, для бутылочек специальный такой, знаешь? Как у настоящего винодела! Так, одевай вот эту кофту, – она схватила с вешалки старый вязаный безразмерный кардиган, висевший тут, возле входа в подвальчик, в роли спецовки.

– Наташ, зачем, я утону в нем.

– Одевай, я сказала, поговори мне еще. Там чать не теплынь тебе. А, – махнула рукой, – откуда тебе знать! Одевай, давай, вот пуговицу сверху застегни, – хлопотала она.

Сама накинула теплый пиджак, так же выдавший виды, и открыла большим винтажным ключом дверь в подвал. Янка

улыбнулась.

– А вдруг там Карабас-Барабас?

– Дура ты, хоть и красивая. Еще про Кощея вспомни.

Пока спускались в тусклом свете по ступенькам вниз, Яна, чуть успокоившись, спросила:

– Наташ, чем помочь тебе? Я ж не умею ничего. Картошку что ль перебирать?

Наташка обернулась, засмеялась заливисто, звонко.

– Что, испугалась, подруга? Нет, не бойсь, не картошку. Мы ее уже посадили. Не это от тебя требуется. Тут, понимаешь, такое дело... Я сделала несколько сортов вина, а какой лучше рецепт, нужно определиться. А моему Гоше, ну ты знаешь, ему – все одно, лишь бы в стакан булькало.

– Наталья, ты забыла, наверное, я не пью!

– Я и не прошу пить, Ян. Чать от глотка ничего с тобой не случится? Я же тебя не прошу напиваться... Мне понимаешь, очень тонкий вкус нужен, – Наташа преданно смотрела в глаза и говорила так серьезно, что никак нельзя не поверить. – А ты как раз трезвенник. И оценишь. Я тебе по чуть-чуть. По глоточку. По маленькой ложечке, – она пошевелила рукой в глубоком кармане пиджака и выудила оттуда десертную ложку, – Видишь?

Яна сдалась. В конце концов, она могла выпить по праздникам бокал вина или шампанского. А тут, ну что ей с этой ложки будет? Вторую деревянную дверь, обшитую отражающим блестящим материалом, Наташка открыла играючи,

заговорщицки подмигнула и включила освещение. Яна при-
свистнула.

– Ого, Наташ, да тут как в музее! Все так аккуратно, по
полочкам.

– Подожди, я сейчас, – хозяйка кладовой полезла куда-то
за пустой деревянный короб и вытащила две складные ска-
меечки с мягким тканевым сиденьем. Расставила, широко
махнув рукой в приглашающем жесте. – Прошу вас, мой до-
рогой дегустатор. Звезд не прошу, хотя бы просто попробуй-
те.

Янка засмеялась, присела на стульчик, засучила рукава.

– Ну что же, подавайте ваши суперсорта домашних вин.
Я испробую!

– Ага, сейчас. Вот, смотри. Видишь, полочки! Все лежит,
как прям я и мечтала.

Наташка поочередно вытаскивала бутылки темного стек-
ла из ячеек и, сверяясь с надписями, отбирала некоторые из
них, расставляя возле Янки на полу. Поставила штук семь,
посмотрела на Янку, кивнула каким-то своим мыслям, слез-
ла с приступки и присела рядом. – Ну, что? Поехали! Вот
это у нас яблоко-смородина. Угу. Сахара на литр, ага, 5 дней,
угу, потом крепила... Так. Короче ладно, давай, пробуем. А
что не понравится, то мужикам утащим.

Янка хихикнула. Наташа всегда поражала ее своей прямо-
линейностью. Вот и теперь не выбирала слов – как думала,
так и говорила. Доморощенный винодел откупорила бутылку,

пробка отлетела, как от шампанского, врезалась в потолок и тут же упала к ногам.

– Не добродило, что ли? – Наталья заглянула в горлышко одним глазом, понюхала. Отхлебнула. – Слушай, оно с газами получилось, как игристое. Пробуем!

Аккуратно налила в ложечку содержимое из бутылки, протянула Яне. Та с сомнением посмотрела на розовую жидкость, но попробовала.

– Аромат потрясающий. И вкус неплохой.

– Неплохой, – передразнила Наташка, выуживая маленькую мензурку из второго кармана пиджака. Тут же налила в нее грамм тридцать вина и протянула подруге.

– Наташа, ну договорились же!

– И я про что. Газики-то ты не ощутила! Как в шампанском, Ян! Пробуй уже...

На седьмой бутылке Яна захмелела. Маленькие стопочки оказались коварней полного бокала вина. Она так увлеклась вкусами, что потеряла счет выпитому. Наташке только того и надо было, полезла за второй партией бутылей.

– Вот, пробуй, – сунула в руки снова наполненную пластиковую посудинку. – Это чуть старше, но тоже смесь.

– Я уже ничего не чую...

– А и не надо. Просто если невкусно, скажи.

– Вкусно, Наташ, но я, кажется, пьяная. Я не могу. Больше... Не могу, не могу... – истерический смех перешел в скулеж, а потом в рыдания. Янка склонила голову на колени, не

сдерживая слез, просипела: – Наташа, ты это специально...

– Конечно, специально. С тебя как вытащишь по-другому? Она подсела поближе и, обняв Янку за плечи, строго сказала: – Ну, давай, давай, реви и рассказывай, от чего это тебя снова, как палку, выпрямило?

– Я на УЗИ ходила сегодня.

– Опять...

– Опять, Наташ. Живот болел, решила провериться.

– Ну и?

– И знаешь, кого я там встретила?

– Кого?

– Евку, дрянь эту, – выругалась Янка.

– Кого?!

– Да, сидела там, трещала по телефону. Беременная. Срок большой, рожать скоро...

– Янка снова уронила лицо на колени, а плечи затряслись.

– И ты что, реветь из-за нее?

Яна поднялась, рассмеялась.

– Нет, ты знаешь, не из-за нее. Из-за себя. Думаю, дура я, понимаешь. Всю жизнь опасаюсь что-то сделать не так. А эта гадина ничего никогда не боялась. И идет по жизни, все везде успевает, даже ребенка вот...

– Подруга моя, погоди, успокойся!

Янка посмотрела под ноги, схватила повалившуюся бутыл, из числа продегустированных, открыла и хлебнула из горла.

– Ого, ты давай это, Расскажи сначала, – опешив от ее смелости, пробормотала Наташка. .

– А что рассказывать, Наташ?! Думаю, или ребенка из приюта взять, или с Сашкой развестись к...

– Ох, час от часу не легче, – она взяла у Янки вино и тоже отхлебнула. – А чего не прикопать его сразу? К чему эта вся бюрократия?!

– Зачем я Сашу мучаю, зачем, Наташ? Он ведь здоров, может с кем получится у него ребеночек, не со мной, убогой. Просто лучше сразу отпустить, измену я не прощу.

– Что-то бред какой-то пьяный, дорогая моя, ты несешь. Зачем изменять, разводиться, вы оба здоровы, друг друга любите.

Янка усмехнулась.

– Да, и семь лет семейной жизни оказались безрезультатными. Нет, Наташ. Здесь к гадалке не ходи, не судьба нам, – она приложила ещё раз к горлышку, глотнув, протянула его Наташке. – Ну или взять ребёнка из детдома. Хотя мы этого не обсуждали. Я за, но мне кажется, что Саша не захотел бы воспитывать чужого ребёнка.

– Яна, ты запуталась совсем. Вам, может, на море съездить, отдохнуть?

– Какое море... Это все уже было, сама знаешь. Пойдем, Натуль, наверх, пока я своими ногами дойти могу.

– Ян, ты подумай хорошо, я тебе говорю. Ребеночка вам надо взять, хорошенького. Выбрать, понимаешь. Чтоб по-

наравился. Там приходишь, на курсы специальные записываешься и с детьми разными знакомишься, я читала про это, – с важным видом глаголила захмелевшая Наташка. – И потом, вам же никто не навязывает. Не захотите, не возьмете!

– Ты как про покупку игрушек говоришь, Наташ.

– Ну так оно и есть если? Я ж ничего не придумала. Погоди ты со своим разводом. Не убивайся из-за этой Евки. Бог с ней, прости и отпусти, как говорится. Ну что ты на меня смотришь? Не реветь! Не реветь, я говорю! – она порывисто прижала к себе подругу. А потом продолжила: – И, правда, пойдем-ка наверх, холодно тут. Знаю я, чем тебя полечить. Сейчас музыку врубим и будем танцевать! Бери.

Она всучила Янке пару бутылей вина, сама еще парочку прихватила, и одновременно поддерживая, направила подругу к выходу.

Смеркалось, но вечерней долгожданной прохлады не случилось. Было душно, словно летом. Наташка заставила всех переодеться для купания в бассейне. Он, конечно, был детским, но поплескаться и подурачиться места хватило всем. Потом она притащила светомузыку, еще и установила полив с разбрызгивателем возле бассейна. И они на пару с Янкой устроили танцы в полупустом круге, под струями воды.

– Ты посмотри, что они сегодня вытворяют, Сань! – Игорь, развалившись в садовом кресле, веселился, наблюдая за девчонками.

– Ага, пусть.

– Я не видел никогда Янку под хмельком. Озорная она у тебя. А я все думаю, что у них общего с Натальей моей. Совершенно ведь разные характеры, с первого взгляда.

Сашка в ответ только улыбнулся. Веселого в поведение жены он видел мало, чувствуя скорее исходившую от нее волну боли и какого-то отчаяния.

– Что у вас там, ну, с малявками, не получается никак?

– Нет, Гош, не выходит.

– Ну, а вы хоть стараетесь?

Сашка усмехнулся:

– Не то слово, стараемся.

– А врачи что говорят? Может обследования какие-то но-

вые есть?

– Уже все обследовали, вдоль и поперек, не поверишь. Сроду столько по больницам не мотался, сколько по этому вопросу. Денег уходит на клиники эти, анализы и прочее, а толку...

– Слушай, но сейчас же есть это, как его там, ЭКО. После него практически все рожают!

– Это ЭКО если по льготе, то ждать почти год, да и пить там эту гадость пачками, ну, гормоны. А бывает, что от этого и толку нет. Да и никто нас не возьмет, наверное. Потому как обследование показывает, что она совершенно здорова.

– А ты?

– И я здоров. Врачи мне предлагают рассмотреть вопрос о суррогатном материнстве.

– Это жестоко, Саш! По отношению к Яне жестоко!

– Знаю, потому и не согласен.

– Прямо не знаю даже, Санек! Слушай, ну может за деньги все-таки это ЭКО сделать? Там, наверное, разберутся, как поступить, тем более раз вы оба здоровы. Найдем через кого, связи есть.

– Не по душе, если честно, нам эта процедура, Гоша. Там, знаешь, тема такая, прижиться могут сразу несколько эмбрионов, а убирать потом надо всех, кроме одного. Иначе – слишком большой риск возникновения патологий у оставленных... Это для нас равносильно тому, что своих же детей убить. В общем, мы против такого. Да и видишь, ЭКО это

делают, когда пара по медицинским показаниям детей иметь не может. А у нас чертовщина какая-то. Я думаю, может из-за меня все-таки проблемы. Была бы Янка с другим, уже ку-ча детей бы бегала за ней.

– Саш, стой, стой. Не туда мыслишь, друг. Вам без друг друга никак. Ты же не сможешь...

– Не смогу.

– Может быть, вам стоит из детдома взять малыша?

– Он же не родной, понимаешь, будет. Как его принять? Я не знаю, смогу ли полюбить. Давай, Гоша, выпьем, и поддержим наших девочек, потанцуем, что ли. Когда еще так повеселиться сможем!

– Ну, пойдём, пойдём! – и, чокнувшись с другом бокалами, Игорь закричал в сторону импровизированного танцпола: – Девчонки, мы сейчас к вам придем!

Янка разошлась не на шутку, ее словно подменили. Она танцевала, визжала, прыгала под каплями распыляющейся воды неустанно. В какой-то момент ее поймал в свои крепкие объятия Сашка.

– Малышка, ты чего это сегодня чудишь?

– Мм-м, милый, я не чудю... Не чижу... Я пьяная. Это Наташка все, она меня споила.

– Янка, – рассмеялся муж, – ты же завтра умирать будешь с похмелья, ты же не пьешь никогда, тем более столько!

– Да? А надо! Знаешь, это так весело, ик!

– Так, ты замерзла, мелкая.

– Да, согрей меня. Полюби прям сейчас, Саша. Хочу тебя, слышишь?

– Ого, ты ли это, девочка моя? Ну что же, – он прикусил ее за мочку уха и, слизав в шеи капли воды, прошептал, – Я согласен. Только командуешь парадом ты.

В глазах Яны лишь на миг промелькнул испуг, но тут же исчез, затмленный куражом разгоряченной крови. Янка потянула мужа за руку.

– Пошли, я знаю одно классное место!

– Все, я сдаюсь, веди, – рассмеялся он, подняв ладони вверх.

– Не смейся, – Янка подалась вперед, вышагивая по тропинке, забавно вихляя задом, обтянутым в черный купальник. Довела любимого до машины и открыла ему дверь. – Прошу!

– Мм-м, Яночка, я весь твой, – проворковал Сашка и залез внутрь автомобиля.

– Еще бы!

Янка, повизгивая, забралась верхом на мужа и захлопнула дверь. Для нее сейчас стало вдруг важным проявить себя, почувствовать свободной, распушенной, такой, какой быть нельзя. Ну и черт с ними, с этими правилами! Страсть разливалась жидкой лавой по венам, приправленная перчинкой легкого вина, смывала все предрассудки. Она здесь и сейчас хочет любить своего мужа, и никто ей этого не запретит...

Через несколько минут Янка уже сладко посапывала на плече у Сашки. Вот только она стонала и извивалась, как дикая кошка, но как только дошла до пика наслаждения, силы вдруг покинули ее. Тело обмякло, и она, прижавшись к мокрому плечу мужа и сладко зевнув, пробормотала:

– Я не смогу без тебя, Саш... Не смогу...

Тук, тук, тук, тук, тук...

Да что же это такое! Кому неймется...

Каждый этот самый тук отдавался в голове дикой болью так, что хотелось выть.

Тук. Тук.

Яна открыла глаза. Больно. Закрыла. Протянула руку, пощупала рядом. Никого. Хотелось позвать Сашку, но из горла вырвался какой-то устрашающий хрип. Боже, Яна, ты ли это? Со стоном она перевернулась на бок, диван издал тревожное шр-р-р, и вроде бы совсем тихонечко, но по ушам резануло, и снова – боль. А потом опять это «тук, тук».

Яна все-таки открыла глаза. Находилась она в гостевой комнате, на разложенном диване. Тяжелые шторы из габардина задернуты, но в тонкую щель проникает солнечный свет. Явно, что уже позднее утро.

Тук. Тук. Осмотревшись, она увидела, что двери в спальню прикрыты неплотно. Видимо, когда выходил Сашка, не закрыл до конца. Эта его вечно дурацкая привычка! Так может и не слышала бы она этого гадкого стука. Попыталась сесть, но комната поплыла, и она со стоном вновь рухнула на подушку. Вот это да! Вот это она вчера употребила чересчур! Надегустировалась от души. И ведь Наташка предупредила, что хватит. Но ее как черт толкал – выпить еще и

еще. Да сроду она не пила больше бокала. И, помнится, танцевали они, было так хорошо. И с Сашкой целовались, как ошалевшие...

Господи, как стыдно! Наташка с Игорем что подумают! И как все закончилось? Как сюда она попала, в комнату? В памяти одни обрывки картинок и непроглядный туман.

Ощупала себя – в ночнушке, явно Наташиной. Потому, как по размеру ощущается, словно чехол для танка. Ей бы не ляпнуть, а то обидится. Кажется, хмель еще не вышел, какой-то бред в голове... Тук, тук, тук, тук.

Вот, опять. Янка сползла с дивана, встав на корячки, проползла до тумбочки. На ней стоял спасительный стакан воды, и рядом возлежала желанная таблетка аспирина. Всё-таки хорошая Наташка подруга! Спить споила, но водички оставила. Чтоб сразу не сдохла.

Ужас! Как тошнит! Янка задышала глубоко, снова прикрыв глаза, а когда немного отпустило, решила встать и выйти в коридор. И, наверное, очень плохо сделать тому, кто делает это «тук-тук» ...

Что же за такое, это ведь дом, а не многоквартирник! Да даже соседи ее так не издеваются. Глухое «тук-тук» перешло в металлический лязг, а потом скрежет. Яна зажала руками уши и поспешила к двери, не обращая внимания ни на боль, ни на тошноту. Распахнув створки, вылетела за дверь, но тут же остановилась, пораженная увиденным. Трехлетний Митюша сидел на полу, практически возле входа, и забивал

в дно перевернутого металлического тазика гвоздь. Настоящий гвоздь, настоящим молотком. Тук, тук...

– Ты чего тут творишь? – без приветствия выдала ошарашенная Янка.

– Забиваю гоздь.

– Зачем?

– Забить надо. Вот сюда, – тычет пальчиком в уже наметившуюся дырень в дне таза.

– Зачем?

– Гупая? Надо, говою.

– А! А мама где?

– В саду. Бата комит.

– Кого?

– Ваньку говою, гупая?

Яна стояла в растерянности. Что делать? Спасать таз или бежать ябедничать Наташке? Она-то точно не знает ещё, что отчебучил ее сын...

– А почему ты тут сидишь, а не с ними? – передернула плечами, вспоминая недавнее тук-тук.

– Тебя здал. Мама сказала мозно.

– Что можно?

– Тихо посидеть, подозревать.

– И это по-твоему тихо?

Митька насупился:

– Так я не бегаю.

– Господи, сиди здесь, я сейчас умоюсь и пойдем к маме

твоей. Только не стучи больше, пожалуйста.

– Пачиму?

– Просто не надо, поверь. Сиди тут!

– Сизю.

Янка опрометью проскочила до ванной комнаты. Включила свет и ахнула. Вся раковина была умазана зубной пастой, ровным слоем, а сверху на нее славным узорчиком приклеены листья какого-то дерева. Вишни, возможно.

Бред. Это что, снова Митька? А Наташка? Она что за ними совсем не смотрит? Это же опасно, тут в ванной столько бытовой химии! Неужели нельзя занять ребенка чем-то полезным? Сейчас столько занятий придумали для малышей! Столько обучающих каналов на Ютубе! Ну, к примеру, хоть тот же английский для детей... Надо с ней поговорить. Она не знает, чем их занять, вот и страдает, сама вчера жаловалась.

Яна огляделась. Сверху, на стиральной машинке лежала стопка чистых полотенец и банных халатов. Наташка всегда, когда ждала гостей, выкладывала их сюда, чтобы могли пользоваться.

Яна быстро приняла контрастный душ. Стало намного легче. Зубы бы почистить. Но щетка в дорожной сумке в косметичке. Хотя нет, вот она, ее косметичка. Лежит рядом с полотенцами. Видимо, Сашка уже сам достал. Так, вот щетка. А паста где? Брала же. Точно брала...

Догадка неуверенно выползла откуда-то из-за закоулков

сознания. Яна посмотрела вниз. Так и есть – под раковиной пустой тюбик из-под ее дорогой зубной пасты, заказанной через европейский сайт. Она ее месяц ждала. Не успела даже пару раз почистить...

Словно сама – маленький ребенок, она чуть не захлебнулась от накатившей вдруг обиды. Как так-то? Дрожащими руками потянулась к пустой упаковке, не осталось ни капли, все выжал, досуха. Вот же... Решительно открыла настенный шкафчик. Придётся воспользоваться Наташкиной пастой.

Под дверью, только теперь уже рядом с ванной комнатой, снова раздалось характерное тук-тук. Раздраженная до предела, Янка быстро закончила со всеми водными процедурами, накинула на себя жёсткий вафельный халат и стремительно распахнула дверь, чуть не стукнув ею Митьку. Но тот, испугавшись, успел отскочить и чудом избежал удара.

Митька, прожигая Янку своими глазками – вишнями, возмутился не по-детски:

– Ты чего это, блин, делёшься?

– Прости, – гнев из-за чувства вины сразу сошёл на нет. – Не ушибся?

– Нет.

– А ты почему опять стучишь? Я же сказала...

– Ты говорила сидеть там, – он важно ткнул пальцем в сторону спальни. – А там мне скучно.

Вздохнула. Ну что же, Яна! Плохой из тебя руководитель. Не объяснила ребёнку толком, что можно, а что нельзя, вот

и получай.

– А пасту кто размазал мою?

Митька сразу надулся. Он молча опустил голову и ушел в отказную.

– Понятно. Ответчик не готов к наказанию.

В тот же миг слезы градинами полились по его пухлым щечкам, Митька криво раззявил свой ротик, и раздался визгливый оглушающий рев. Яна растерялась еще больше.

– Что случилось-то? Ты чего реवेशь?

– А-а-а-а, – продолжил свой концерт малец, зыркнул на нее исподлобья, развернулся и убежал.

Ну как же так... Что же это... Она ведь ничего не сделала... В растрепанных чувствах Яна поплелась в комнату. Сумка с вещами разворошена так, что все помялось. Ну, конечно, Сашка... Неужели нельзя взять только то, что нужно, не переворачивая все вверх дном!

Достала белые шорты, майку, чистое белье. Уже было решила переодеться и скинуть халат, как услышала скрип двери. Оглянулась – снова Митька.

– Наревелся?

– Да.

– Мить, мне нужно переодеться. Выйди, пожалуйста.

– Мне там одному стлашно.

– Где там?

– В коидоле.

– А до этого не боялся?

– Нет. Я делал БАМ-БАМ, и все тюдовися убегали. А сейчас стлашно.

– Ну, иди тогда к маме!

Терпение этим утром явно не твоя добродетель, Яна.

– Мама занята, Ваньку колмит.

– Ясно. Заходи. И отвернись к окну. Отвернись, я тебе говорю.

– Затем? Я маму тозе видел. Голую.

– Так, Митя, либо ты отвернешься, либо я тебя выгоню.

– Ну не больно и хотелось вабсето, – обиделся малявка, но из комнаты не вышел, демонстративно отвернувшись к окну.

Яна наспех надела белье, футболку. Шорты были абсолютно новые. Не успела даже этикетку снять, а вернее забыла. Покрутилась, но, не увидев ничего из режущего, заправила ярлычок в задний карман – на кухне можно будет ножом срезать.

– Пойдем, покажешь, где твоя мама обитает, – Яна примирительно протянула мальчику руку. Тот, довольно улыбнувшись, схватил ее за пальцы и потянул за собой.

У Кожевниковых имелась мещанская привычка – все теплое время года обедать в саду. Под старой раскидистой яблоней стоял старинный огромный деревянный стол, покрытый простой беленькой клеенкой. Вместо стульев – маленькие самодельные табуреточки. Там и нашли они с Митькой Наталью.

Она сидела, подперев одной рукой тяжелую голову, другой кормила Ванютку с ложечки. Тот брыкался, упорно отворачивался от еды, свешивался с высокого детского стульчика, так и норовя в любой момент упасть. Мамашка, в простом домашнем платье, вся замученная и раздраженная, пыталась утихомирить маленького вояку, но все ее возгласы, казалось, оставались абсолютно без внимания.

Яна прошла к старой яблоне по тропинке, выложенной узорной брусчаткой, отпустила ручку Митьки и присела на стул, напротив подруги.

– Доброе утро!

– Ага, доброе оно, как же. И вообще-то уже день. Ты продрыхла, дорогая, полдня.

– Правда? Голова раскалывается.

– Я тоже, как вареная. А вчера как-то веселее было. Еще и детей вот с утра пораньше привезли. Ванька полночи не спал, к маме просился. В общем, не высидели даже сутки у

бабушки. Устроили и там балаган.

– Не приболел?

– Да нет, кажется, все хорошо. Просто без настроения. Все еще горишь желанием с ними понянчиться?

– Если ты мне принесешь большую кружку холодного чая, то я примкну к твоим рядам, встану плечом к плечу и подержу, насколько хватит терпения.

– Ну вот и отлично. Давай, бери ложку, докорми этого бандита, а я пойду быстренько сполоснусь в душе и заварю нам чаек с травками. Справишься?

– Постараюсь. А где Сашка? – запоздало опомнилась Яна, перенимая пост возле детского стульчика.

– Уехали наши мужики. На великах, на рыбалку. Дед Егор позвал на Студенку, за ершами. Ну на кой мне эти вот ерши, а? Еще и бабушка одна с внуками осталась. Вернее – уже не осталась...

– Наташ, иди, – поторопила Яна подругу, – боюсь мы долго не высидим вместе.

Дважды повторять не пришлось, через миг Наташки и след простыл.

Яна, вдохнув поглубже, улыбнулась и повернулась к малышу. С этим малюткой, по сравнению с Митькой, было сложнее найти общий язык. Ванюша к своим двум годам не говорил совсем. Ни слова. Показывал и объяснял все на пальцах так, что любой сурдопереводчик мог бы позавидовать. Как правило, его хотелки большинство слушателей, вернее зри-

телей, понимали. Проблема заключалась в том, что в голове у этого упрямяца порой рождались совсем необычные желания, которые могли ему же и навредить. И когда Ванюшке что-то запрещали, он моментально начинал орать и обливаться горячими слезами. В общем, манипулировал, как мог. Врачи говорили, что нужно время, и ребеночек заболтает, как миленький, да и вести себя будет спокойнее.

Врачи, нужно время...

Янка вздохнула. Было горестно думать о прошлом, но оно не отпускало...

Если бы тогда все получилось, то их с Сашкой малыш был бы ровесником Ванюшки. Если бы...

– Ну что, дружок, привет. Будем играть в вертолетик? – с улыбкой начала Яна, набирая в ложечку вязкую овсяную кашу. Малыш отрицательно покачал головой и отвернулся.

– Не будет он у тебя эту касу, – важно отвечает за брата Митька, свесившись с качелей головой вниз.

– Это почему ещё?

– А ты не умеес! Он кУсает только када ему нлавица.

– Ясно, ну значит пусть голодный сидит! – Яна оставила ложку в покое и сложила руки на груди.

На неё уставились две пары глаз – темных вишеноч.

– Так нейзя, – снова глаголет Митька, – у него сил не будет иглать. Колми!

– Ну, он же не хочет, – Яна приняла расслабленную безразличную позу и, отвернувшись, стала рассматривать ли-

сточки на дереве.

– Бат! Ешь скалей! Иглать будем! – Митька соскочил с качелей, встал рядом со столом и важно посмотрел на мелкого, давя своим авторитетом. Ванютка сник, почесал щеку, посмотрел по сторонам, и, не придумав ничего, что помогло бы избежать кормежки, с недовольным видом повернулся к Яне.

Но рот все-таки открыл. Недолго думая, она докормила ребенка остатками каши и распаковала ему коробочку с соком.

– И мне, я засужил. Я помогал!

Яна взяла вторую, такую же, открыла, отдала Митьке, предварительно рассмотрев упаковку.

Ну Наташка, ну лентяйка. Нет бы – сварить компот, пичкает магазинной едой... Как вот ей сказать, обидится, наверное.

Ванютка сидел расстроенный, что вышло не по его, и колупал красочную коробочку, изредка попивая сок.

– Малыш, пойдём ко мне на ручки? Сок допьешь и пойдешь гулять с братиком. Согласен?

В ответ кивок.

Ну что же, осталось только его вызволить из этого устройства под коварным названием "детский стульчик". Немного попыхтев над мудреным креплением и ремешками, Яна все же вытащила ребенка и нежно приобняла.

– Какой хорошенький, милый мальчик!

Мелкий довольно улыбнулся и тут же перевернул ей на голову коробочку с соком, от души надавив на упаковку. Красная липкая жидкость потекла от самого затылка, по спине и за пояс новых шортиков.

Ну вот... Хорошо пообщались, душевно...

Яна неспешно раскачивала качели на которой, прижавшись друг к другу, сидели притихшие Ванюшка с Митькой. Это был единственный способ дождаться их маму без потерь. Иначе, пока Яна бы нянчилась с одним ребёнком, второй грозился что-нибудь вытворить этакое.

– О, я смотрю, теперь в душ надо тебе, подружка, – раздался возглас Наташи за спиной. Она несла огромный поднос, уставленный тарелочками с бутербродами и сладостями. Расположила его в центре стола. – Как знала, что чайник рано нести. Сейчас там наши мужики уже подъехали, убирают удочки. Мы им пацанов сбегрим, и пойдем домой. Попробуем спасти твою одежду.

Яна вяло улыбнулась.

– Наверяд ли получится. Сок же...

– Меня свекровь научила, любой ягодный сок нужно сразу, без мыла только, пролить кипятком. И все остается белоснежным!

– Наташ, на одежде бирка " 30 градусов"

– Ой, не психуй! Хуже точно не будет! Испортим, значит с меня тебе новые шорты!

– Да нет, я просто...

– Ну, давай-ка, не лечи мне! А то я не знаю, как обидно, когда эти бандюги портят хорошие вещи! Ты посмотри на

меня, в чем я хожу! — она покрутилась вокруг себя, демонстрируя старый выцветший спортивный костюм.

— Думаешь, не могу себе позволить одеться красиво? Да, не могу. Потому что через час я стопроцентно пойду переодеваться... Это дети, Яна! Так что, наслаждайся!

Тут раздался оглушительный визг, и мальчишки, соскочив с качелей, понеслись к дому, навстречу Игорю и Сашке.

Сашка успел подхватить их первым, и, с ревом медведя под их счастливый хохот, закружил малышей над головой.

Яна в испуге прижала руки к груди.

— Саша, потише!

— Да отстань ты, сами разберутся, — Наташка ухватила под локоть подругу, потянула к тропинке, ведущей в дом. — Пойдем. У нас точно есть пятнадцать минут. Успеем.

Яна стояла в ванной, после душа снова укутываясь в халат, и наблюдала за подругой. Та, опустив в раковину ее испорченную одежду, лила тонкой струйкой кипятка из чайника на ягодные пятна. Те, как по волшебству, таяли на глазах.

— Ну вот, сейчас застираем, и готово. Футболка, конечно, немного сварилась. Наверное, волной пойдёт. Но вот шорты точно спасли. Так что, не переживай.

— Да я не переживаю. Спасибо.

— А чего кислая такая? Опять дурь в голове?

— Думаю, Наташ, вон Сашка как ловко с детьми обращается. И они рады ему, смеются, как колокольчики. А со мной, как наказанные. И в детском саду ведь тоже я, знаешь, не

могу с детками. Какое мучение для меня эти музыкальные уроки, это пиликанье на пианино, это ведь даже не музыка! Злюсь, раздражаюсь на малышей, им ведь совсем не интересно. Но поделаться ничего не могу с этим. Может, потому и нет у меня детей? Не умею я их любить?

Наташа внимательно посмотрела на подругу и, немного помолчав, все же ответила, глядя прямо в глаза.

– Честно, Ян, я не знаю. Почему так, а не по-другому. Но человек ты хороший. Это точно. А в детском саду не каждый сможет работать. Это надо родиться таким человеком, чтобы быть настоящим воспитателем, понимаешь. А ты киснешь, потому как не своим делом занимаешься. Нужно заниматься тем, чем нравится, чего хочется. А ты? Сама-то ты знаешь, чего хочешь?

Яна молчала.

– Вот то-то и оно. И дети тут не причём.

Напряжение нарастало с каждым днем, закручиваясь внутри тугой спиралью. Для Сашки вдруг стало невыносимым смотреть на то, как переживает любимая. Нервы уже ни к черту, но что поделать – Яна сама дала согласие ехать на этот дурацкий прием. Вот что она там не видела? Этих выскочек, этих худобедренных интеллигентишек? Нет, конечно, это – не ревность. Яна явно не пылала симпатией к парням такого типа – гламурным чистоплюям. И все же почему-то ее снова тянет туда?!

К родителям? Возможно, но ведь можно встретиться и дома. Или хотя бы приехать к ним в гости, уж за столько-то лет! Но Яна, несмотря на свою наивность, прекрасно понимает, что родителям она не нужна. И что это будет? Визит вежливости? Или эта карга – Анастасия, которая теща, опять что-то задумала?

Сашка устал отбивать свою любимую от этих странных людей. Она считает, что родители ее все равно любят. Но что это за любовь, если от них два звонка в год. Один раз звонит Яна на день рождения матери. Второй раз в году звонит мать в ответном жесте. С отцом, тестем Георгием, Сашка так и ни разу не общался после скандала у стен Янкиной гимназии. Лишь чудом сдержался и не надавал ему тогда по роже за оскорбления. И ладно бы оскорбляли его, Сашку. Этот су-

хопарый, изнеженный мужчина стоял и поливал грязью собственную дочь, не жалея ни ее чувств, ни стыдясь своей безгранично дремучей фантазии в вопросе отношений Яны и Сашки.

Он увез ее, защитил, выдрал из лап, да, родителей, но по сути жестоких и беспринципных карьеристов. И никто не изменит его мнения об этих людях. Потому что он видел, насколько Яна оказалась не приспособлена к нормальной жизни, насколько неустойчива ее психика. Да, она необыкновенно нежная, утонченная, доверчивая. Но куда с такими качествами по жизни? Кому это сейчас нужно? Что она умела кроме того, что играть на нескольких музыкальных инструментах и прекрасно танцевать? Принесли ли ей пользу эти умения? Он взял ее под свое крыло, поклялся беречь и защищать. И не требовал от нее делать чего-то большего, чем было в силах Яны. Ни уборки, ни готовки, ни работы какой-то. Она, конечно, и научилась, и справилась. Яна просто молодец. Она – его любимая – очень сильная девочка, всегда справляется с любыми трудностями.

Сашка смял так и незажженную сигарету и бросил ее в узкую фарфоровую вазочку с чуть отколотым краем. Она стояла тут, возле кашпо с цветами, заменяя пепельницу. Все, абсолютно все в этом доме – до тошноты – по стилю. Нужно переодеться, отвезти жену в соседний город, на эту чертову встречу.

Янка бегала по квартире в одном нижнем белье, нарезая

круги от ванны к спальне. Когда Сашка, заходя в комнату с балкона, попытался ее поймать и прижать к себе, она вырвалась, раздражённо бросив:

– Саш, не мешай хотя бы. У меня чулки порвались, мне уже одетой быть пора, а я тут ищу из старых...

– Чулки? Дорогая, ты не перепутала? Вообще-то у вас музыкальный вечер!

Янка остановилась в дверях, недоуменно посмотрев на мужа.

– Саш, ты что – ревнуешь? Я же тебя несколько раз спросила. И сейчас говорю, поедем вместе.

– Яна, ну я же без смокинга, забыла? – ехидство, вот гадство, сочится в каждом слове.

– Саша, да мне все равно, хоть в джинсах. Я о тебе беспокоилась, потому так и сказала. Это ведь ты стесняешься сам себя!

– Не говори ерунды, Ян! И я не поеду, мне нечего там делать! Думаю, ты уже большая девочка, чтобы суметь постоять сама за себя!

Яна поджала губу, но ничего не сказала и, закрыв за собой дверь, скрылась в комнате.

Ну нет, так нет. О чем еще говорить! Видимо, ей очень хочется пощекотать себе нервы. Пусть едет...

Щемящая душу тоска и, одновременно с ней, какая-то безликая опустошенность – беспричинно, казалось, поселились где-то внутри. Не дышалось, не думалось ни о чем. Автобус постепенно набирал скорость, петлял по улочкам, убаюкивал равномерным покачиванием.

Два часа езды до родного города. Сколько чувств вдруг растревожила эта поездка, воскрешая воспоминания, слившиеся, как и пейзаж за окном, в сплошную линию из беспорядочно разбросанных кадров какого-то нелепого кино.

Вот стела на выезде из города. Рабочие старательно красят ее синей краской, так напоминающей Яне ненавистные больничные стены. Две сваренные вместе металлические трубы, а посередине – ажурнаяковка, на ней – неровно вырезанные буквы названия этого небольшого городка.

Яна прекрасно помнила свои ощущения, когда впервые они приехали сюда с Сашкой. И как она смотрела на эту диковинную архитектурную пошлость – с безразличием. Стояла глубокая осенняя ночь. Город встречал ее тусклыми огнями, пугая своей провинциальной отрешенностью...

Сашка каждый раз, как только возвращается с рабочей вахты, фотографирует на телефон эти корявые буквы на стеле и присылает в сообщении: "Вот, я уже еду, близко..."

Ритуал, от которого в первые месяцы сбивалось дыхание –

её милый Сашка, скоро приедет, обнимет – теперь стал обыкновенным и каким-то нелепым, что ли. Семь лет... Кажется, что они для друг друга стали больше родными, но не до конца близкими...

– Покажите, пожалуйста, еще раз ваши документы. Я, кажется, перепутала номера мест в ведомости...

– Что? – Яна недоуменно всматривалась в тусклом освещении автобуса в лицо худощавой женщины – кондуктора. Помотала головой, стараясь стряхнуть сонное состояние. – Простите, я вас не поняла.

Рыжеволосая, порядком уставшая от бесконечной езды, кондуктор терпеливо повторила:

– Я отмечаю кто из пассажиров на каком месте сидит. В ведомости. Паспорт. Нужен ваш паспорт.

Яна смотрела на ее потрескавшиеся иссохшие губы, с трудом улавливая смысл. Потянулась к сумочке, достала документ, протянула его женщине и уже через минуту снова бездумно сунула его обратно и отвернулась к окну, погружаясь в свои мысли.

Это все дорога. Это она навевает разъедающее душу настроение и апатию. Ведь Яна – она не такая. Она – борец, она всегда справлялась. Со всем. С этим бесконечным потоком вывалившихся на нее бытовых проблем, с этой безысходной тоской от творческого голода, с этой невыносимой болью, когда... Когда в очередной раз приходили месячные. И даже когда этот врач, на которого она смотрела сквозь пе-

лену слез, говорил, что нужно ехать в операционную...

Господи, отпустит ли её когда-нибудь это всё?

Яна вздохнула и вновь встряхнула головой, пытаясь сбросить дурные мысли.

Но городские огни остались позади, и сумерки, решив пробраться внутрь салона, насмешливо заглядывая в окна, подбрасывали новые воспоминания.

"Ты знаешь, Янина?! Ты пожалеешь! Не сразу, нет, но каждый день ты станешь жалеть о своем выборе. От осинки не родятся апельсины..."

Жалее? Нет. Но не родятся... Ни осинки, ни апельсины...

За окном уже мелькают загородные коттеджи. Ивановка...

"Держись, Янка" – сжимает за плечи Наташка свою подругу – рыдающую, растерянную. Родители не простили дочери ее увлечения, не приняли. Поставили перед выбором...

– Ты справишься, Вы вместе справитесь! Они не дадут тебе жизни, сломают, как куклу! Не реви, беги, спасайся, пока есть шанс."

Справились...

"У Вас есть опыт работы? Нет? Ну и что, что Вы окончили гимназию? – заведующая детским садом, старая карга, так и пишет своим превосходством, с усмешкой смотря на напуганную Янку. – С детьми работать, милочка, это Вам не брынькать вечером на лавочке на гитаре. Я возьму Вас

на испытательный срок. Четыре часа занятий в неделю Вас устроит? На полставки. Большие не можем оплачивать..."

Может быть, все же стоило поискать другую работу? Но что она смогла бы найти в этом маленьком провинциальном городке, где им с Сашкой пришлось поселиться? Хорошо, что со временем она занялась хотя бы репетиторством...

"Давайте вам помогу, Янина! Что же вы с такими пакетами! Ведь негоже вам, такой утонченной, такой удивительной, таскать тяжести! Нимфа! Богиня! Бедная девочка! Каким ветром тебя занесло в такую глушь! – бормочет Филипп Егорович, сосед, богом позабытый профессор столичной академии, с еще сохранившейся силой в усохших руках. Каждый раз при встрече он непременно выхватит пакеты из рук Яны и дотащит их до четвертого этажа..."

Понимает ли Сашка, сколько ей пришлось пережить, сколько раз пришлось в очередной раз себя сломать, чтобы просто выживать в таком огромном для нее и чуждом мире? Сколько раз она вновь и вновь плакала от одиночества, хотя думала, что, будучи замужем, она забудет об этом слове...

– Саш, я тебе серьезно говорю, я справлюсь. Я обещаю, я не буду реветь после. Хочешь, поехали со мной? Даже в джинсах!

– Яна в тысячный раз повторяет свою просьбу, но, кажется, все напрасно. Ей снова придется ехать на встречу с родными одной.

— Ну нет, я дома... — Сашика опускает взгляд и выходит из комнаты.

Яна бережно снимает с вешалки черное вечернее платье, идеально отутюженное, длиной до колен. Если сверху одеть легкий плащ, то можно доехать, не помяв. Она проводит рукой по атласу, наслаждаясь легкой прохладой. Волнуясь, вздыхает. Но нужно взять себя в руки.

Прическу не хочется. Лучше сделать тугой пучок на затылке. Проще, строже, чтобы чувствовать себя более уверенной.

Макияж. Наверное, немного разучилась делать такой, сценический. Там, конечно, будут репортеры, и в кадр она непременно попадет. Мать не простит ей беспечного образа.

Серебряная тонкая цепь опускается на бархат кожи так, что как раз по краю ложбинки груди ложится кулон из прозрачного хрусталя...

Вот же... Она не сможет сама застегнуть замок у платья!

— Саш, помоги, пожалуйста! Саш! Сашика...

В зале пусто, включен телевизор. Пусто на кухне, на балконе... Нет обуви...

Не хочется терять силы на нелепые обиды. Неужели нельзя сказать, куда ушел? Как теперь этот замочек поднять, платье слишком узкое...

Яна от досады топает ногой. Попробовать еще раз са-

мой? Задрав аккуратно подол до пояса и подтянув ткань наверх, поймала пальцами собачку. Вот и все. Вроде бы складок не осталось, и слава богу! Иначе – катастрофа.

В зеркале Яна сама себе кажется незнакомой. Отчужденной, жестокой. С безжизненным взглядом...

Время. Нужно ехать. Шум в зале говорит о том, что Сашика все же вернулся...

Может просто выходил во двор?

– Саш, я готова! Можно заводить машину! – она выбирает маленькую изящную сумочку в тон к серебристому ремешку на платье. Это последний штрих. – Если не заночую у родителей, то обратно вернусь на такси...

Яна, выглянула из комнаты, но растерявшись, так и осталась стоять в проходе.

Непривычно тарабанит на всю громкость телевизор. На экране мелькают безликие фигуры футболистов. По спортивному каналу показывают какой-то очередной, тысячный по счету, матч. Саша сидит в кресле и пьет пиво. На вычищенном до блеска стеклянном столике – куча кожурок от семечек...

Не надо кусать губы, Яна. У тебя макияж. А еще есть сотовый телефон. И – рейсовый автобус. Пусть последний. Ну а потом можно и на такси.

Прощаться? Стоит ли? Не навсегда же...

Пролески от тонких березок плавно переходят в окульту-

ренные заросли канадского клена. Зелень пышет, в тонкую щель приоткрытого окна тянет вечерней свежестью.

Задолго до въезда в родной город, вдоль дороги, то тут, то там внимание Яны привлекают яркие рекламные баннеры. Практически на каждом столбе гордо развеваются праздничные флаги – день Победы прошел, но май... Он весь какой-то торжественный, особый, с ноткой горькой гордости за совершенный подвиг...

Улицы чисты, дома украшены, на клумбах пестрят разноцветные махровые петунии. За следующим поворотом – кинотеатр, в новом образе смотрится довольно-таки стильно.

Вот и аллея, где они так любили гулять, а вон там, через две улицы – кафе, где подают самый вкусный штрудель с грушей и пышным пломбиром. Пока Яна училась, то сбегала в большие перерывы между уроками из гимназии вместе с девочками, чтобы здесь погулять, купить безделушек, подышать свободой...

– Вам на конечную, до автостанции? – громко кричит ей рыжая кондукторша, не вставая со своего места.

Яна молча кивает.

Да. До автостанции. А потом – на такси. До указанного матерью в сухом смс-сообщении адреса, где состоится творческий вечер. Дата, время и "Жду непременно"...

Загородная усадьба известного в своих кругах дирижера Крепышева Яне была хорошо знакома. Ей уже не раз приходилось бывать тут. Родители, представляя ее свету, часто брали с собой на такие вот закрытые приемы.

Гостей встречала великолепная подъездная аллея из величавых стареющих ив. За ней – американский газон, окруженный со всех сторон идеально ухоженным желтым розарием, и, собственно, сам дом, огромный, больше похожий на Дворец культуры советских времен, красующийся ослепительно белыми колоннами и французскими окнами. Как по мнению Яны, так он напоминал ей какого-то лупоглазого зверька, чем внушал величие и трепет.

На въезде в усадьбу стояла сторожка со шлагбаумом – скорее просто как данность – машину такси, на которой прибыла Янина, пропустили без проверки.

Водитель восторженно охал и ахал, удивляясь, кто же может жить в таком огромном поместье. Яна молча улыбалась. Не стоит завидовать чужому, не зная, какой ценой достаются эти блага. По сути своей, это лишь обертка от конфеты, фантик, пустышка. А внутри, в самой семье, не все так безоблачно.

Ей нравилась именно хозяйка усадьбы – Ольга Булдакова. Фамилии с супругом у них были совершенно разные. У

каждого своя, знаменитая: у жены – фамилия династии адвокатов, у мужа – династии музыкантов. Как сошлись эти два совершенно разных по характеру человека, для нее всегда оставалось загадкой. Олег Евгеньевич Крепышев, один из самых близких людей для ее родителей, был невероятно талантлив, но, кажется, что не совсем от мира сего. И часто, в периоды творческой депрессии, беспробудно пил, забывая обо всем на свете. Ольга, жесткая и ответственная, даже чересчур, оставалась для семьи кормильцем, добытчиком и тем самым нестигаемым остовом, на котором держалось абсолютно все. Но они удивительно комфортно сосуществовали друг с другом так, что все считали их абсолютно счастливой и благополучной семьей. Если бы не болтливость Анастасии, Яна пребывала бы в таком же неведении об их браке, как и другие.

Идеально ровная красная ковровая дорожка – явно прихоть хозяина дома – тянется от самой стоянки к крыльцу, а дальше к парадной двери. Дверь, как ни странно, вовсе не из благородного дерева, а обыкновенная, пластиковая, застекленная по всей высоте.

Яна остановилась в нерешительности. По времени она явно приехала с опозданием, так что ее никто встречать не будет, не станет выкрикивать имя на всю залу, словно на приеме у короля. Всю эту вычурность и помпезность излишне любил сам Олег Евгеньевич, а Ольга во всем ему потакала. Яну передернуло от нахлынувших воспоминаний, слишком

яркими они были: ее первые выступления перед такой высокой публикой, липкие оценивающие взгляды, перешептывания за спиной. Сегодня, наверное, будет не легче. Но почему-то ей хотелось здесь побывать. Увидеть родителей, в конце концов.

Лишь только на секунду Яна не дошла до входа, как дверь распахнулась, и навстречу ей вышел пожилой долговязый мужчина, явно распорядитель вечера – настолько уверенно он себя вел.

– Добрый вечер! Прошу вас представиться, – он задержался в проходе, показывая и радушие, и настороженность одновременно.

Внутри должны оказаться только приглашенные, Яна это прекрасно понимала.

– Яна Георгиевна Романова, – привычка, выработанная годами, заставила ее повыше поднять подбородок и смотреть чуть выше глаз собеседника. Мужчина, выудив небольшой планшет из чехла и пробежавшись пальцами по экрану, согласно кивнул, уступая место для прохода.

– Прошу, – он сделал приглашающий знак рукой, – на вас бронирован билет от имени Анастасии Витальевны Державиной. Ваш столик под номером семь. Сейчас все в коктейльном зале, через сорок три минуты творческие выступления гостей, ужин ориентировочно начнется через два часа. Пока можно угоститься холодными закусками, – распорядитель шел шаг в шаг рядом с девушкой, по широкому кори-

дору, не торопясь, поясняя программу вечера.

Яна заметно волновалась и проходить в зал не торопилась.

– Сейчас все смотрят на видеостену – хозяева демонстрируют фото с последней музыкальной премии. Награждение. Так что, если вы войдете через эту дверь, ваше появление не будет таким громким, – распорядитель указал на второй вход в комнату, вероятнее всего, сделанный специально для обслуживающего персонала.

Яна, задержавшись на мгновение, все же решила, что не стоит устраивать из своего визита шоу – лучше зайти незаметно и, благодарно улыбнувшись этому проницательному пожилому человеку, проскользнула в боковую дверь.

Шелк, золото, бриллианты, стразы. Ничего не изменилось. Это не филармония. Это просто маленькая тусовка богатых и знаменитых.

В просторной зале по периметру расставлены удобные диванчики, рядом с ними – небольшие стеклянные столики с закусками и напитками, свет приглушен. Гости, в большинстве своем, столпились в центре комнаты, чтобы удобнее было смотреть на развёрнутый экран. Туда транслировалась запись с видеопроектора – уже обработанная и смонтированная, плескалась своей торжественностью, демонстрируя хронологию событий с праздника международного масштаба. Ну и где-то там мимолетно засветился сам Олег Евгеньевич.

– Ну что ты меня позоришь! Выпрями спину, плечи, Янина. И возьми, будь добра, бокал с шампанским. Оно тут пре-

красно! Иначе все будут думать, что ты просто прислуга. Мне кажется, или это – то самое платье, в котором ты была на благотворительном вечере в Новый год?

Яна, совершенно не расслышав, как сзади к ней подошла Анастасия, вздрогнула.

– Да, мама, я тоже очень рада тебя видеть. – Яна приняла из ее рук протянутый хрустальный фужер.

– Ну, ну, подотри нюни и слезки, куколка моя! У меня сегодня прекрасный день, не надо его портить излишними эмоциями.

– Мам, зачем ты меня позвала.

– Янина! – перешла на шепот, выказывая свое раздражение женщина, – я тебе тысячу раз говорила, мама я для тебя дома. Ты сейчас дома? Нет.

– Простите, Анастасия. Я забыла. Давно не виделись, знаете ли. Георгий Яковлевич сегодня присутствует?

– Нет, слава богу. Иначе тебя бы здесь не было. Твой отец, знаешь ли, не обладает таким мягким характером, как я.

– Что ты задумала?

– Всего лишь хочу помочь. Мое материнское сердце обливается кровью, как только я думаю о том, что моя девочка вынуждена сидеть в какой-то дыре, совершенно не видя жизни, лишённая нормального общения, да просто хотя бы отдушины. Ведь твой мужлан не терпит музыки, не так ли?

– Он прекрасно разбирается в музыке, не нужно оскорблять моего мужа.

– Ну, хорошо, не буду. Ты просто сама ответь, когда вы в последний раз были на концерте? В филармонии? Да хоть бы в театре? А за эти семь лет у тебя, наверное, появилась превосходная скрипка дома, или фортепиано. Ну, где-то же ты практикуешь свои навыки? Ведь это нельзя вот так просто похоронить, Янина? Молчишь? Вот и я о том же. Ну, хорошо, не будем ругаться. Я мать. Я все чувствую, понимаю. Вопрос в том, понимаешь ли ты плачевность своего положения? Сегодня здесь будет проходить творческий вечер. У тебя есть шанс показать себя.

– И что от этого изменится для меня?

– Петр Андреевич Янковский – художественный руководитель новой группы театра «Премьера». Все их постановки проходят под аккомпанемент живой классической музыки. Репетиции, в силу его занятости на начальном этапе проекта, всего лишь два раза в неделю, предположительно. У тебя сегодня будет возможность не только показать себя, но и поговорить с Янковским. Я договорюсь об аудиенции. Главное, ты сама не струсь.

– Мам, а ничего, что я живу в другом городе?

– Янина! Здесь от твоей деревни ехать полтора часа. Я иногда по городу дольше добираюсь, а тебе – вместо прогулки. Ну должно же быть у девушки хобби? Или ты мечтаешь покрыться плесенью в своем захолустье?

Анастасия, нервно подернув плечом и совсем не дожидаясь ответа, скользнула легким шагом в толпу, кому-то за-

зывно улыбнулась накрашенными ярко-красными губами, изящно поправила короткий локон добела выжженных волос и, как ни в чем не бывало, завела беседу с близстоящими гостями.

Яна в недоумении стояла, переминаясь с ноги на ногу, и крутила в руках фужер с шампанским. Если вначале ей казалось, что ничего за эти годы не изменилось, то она ошиблась. Сегодня Анастасия признала, что ее дочь стала взрослой. И впервые предоставила право выбора. Осталось решить, нужно ли ей это все...

Душный вялый воздух плавно перетекал из одной комнаты в другую, делая алкоголь коварным противником. Гости расслабились, и их легкие перешептывания уже переросли в гул, который периодически прерывался чьим-то полупьяным хохотом.

Яна одернула короткий рукав платья, как будто это могло ей помочь хоть как-то почувствовать себя более уверенно. За двадцать минут она успела пройтись по всей зале, выразить свое почтение хозяевам, поприветствовать старых знакомых. Теперь же просто не могла найти себе место. Ощущения Яны оказались двоякими. С одной стороны – прошло столько времени, но ничего не изменилось. Те же лица, готовые прийти на помощь молодым дарованиям, те же разговоры, те же нравы.

Но, с другой стороны, теперь она не чувствует себя здесь, как рыбка, выброшенная на берег, да и того благоговейного трепета, как раньше, больше нет.

Слегка скользнув по тяжелой портьере ладонью, Яна прошла на открытый балкончик и облегченно вздохнула. Вечерняя свежесть окутала, остужая и мысли, и чувства.

– Янина, я так рада, что ты приехала к нам! Мы так давно не виделись. Ты выросла, девочка! – Ольга, степенно вышагивая, вошла вслед за ней на балкон.

Яна улыбнулась и молча кивнула, одновременно рассматривая Булдакову. Несмотря на свою угасающую молодость, Ольга выглядела великолепно. Худенькую высокую фигурку, словно плотный чулок, облегало сиреневое платье, копна пшеничных волос, спускаясь ниже плеч, ложилась красивым каскадом на стройную оголенную спинку. Ольга, грациозно вытащив из узкого клатча мундштук и заправив в него сигарету, прикурила. Запах вишни моментально пропитал все вокруг, отчего Яна невольно поморщилась.

– В нормальные дни курю айкас, а это так, для антуража. Олегу нравится. Ему кажется, что я так выгляжу более утонченно.

– Вы всегда хорошо выглядите. Это моё мнение.

– Спасибо, девочка моя. Расскажи, как ты поживаешь.

Яна неуверенно пожала плечами.

– Не знаю, наверное, хорошо. Живем с мужем в двушке, ездим отдыхать на море, работаем, едим, спим. Все, как и у всех.

– Скучно.

– Что, простите?

– Скучно, говорю, вы живёте. А как же музыка, Яна? Неужели ты, как только вышла замуж, поставила на себе жирный крест?

– Я не понимаю.

– Не понимает она, – Ольга невесело усмехнулась, выдыхая тонкой стрункой дым и с прищуром разглядывая огонек

тлеющей сигареты. — Не думала я, что ты настолько дура. Не обижайся. Я сама такой была. Замуж выходила по великой любви. Мы, кажется, первое время ни ели, ни спали, надыхаться друг на друга не могли. Мне нравилось до одури, как он восхищается моим умом, а он купался в моих постоянных восторгах — он ведь невероятно талантлив, ты же знаешь...

Яна в недоумении смотрела на хозяйку усадьбы, не решаясь прерывать затянувшуюся паузу. Пока до нее не доходили слова Ольги, а та, словно понимая это, не торопилась продолжать разговор. Из ступора ее вывел очередной взрыв хохота гостей.

— Нельзя растворяться друг в друге, Яна. Вот я о чем толкую. Нельзя забывать о том, что ты живой человек! Что у тебя есть свои стремления, мечты. Ну и предназначение, что ли. Мне не сразу это далось. Не сразу я поняла, что вместе мы просто катимся в пропасть. Я терпела его измены, понимая, что такому человеку необходимы новые впечатления, я забывала о себе и о чувстве собственного достоинства, когда умоляла его на коленях, чтобы он не бросал меня. Ну а эти пьянки, друзья, банкеты... Что он получал-то там, в первые годы своей хиленькой карьеры? Копейки. А я пахала, словно лошадь казенная, деньги зарабатывала. На костюмы, на поездки, на приемы, чтобы ублажить нужных людей. Нет, конечно, он тоже старался, не спорю. Он великолепный, единственный в своем роде, он напролом шел к своей цели и никогда не отступался от своей мечты. И вот, Крепышев зна-

менит! Ему рукоплещет вся страна, да что там страна, второй год у нас сплошные туры по миру...

– А вы? – наконец-то начало доходить до Яны.

– А я ради семейного счастья, Яна, предала себя и свои интересы. Сначала в угоду родителям поступила на юридический, потом ради стабильного дохода работала и день, и ночь. Карьера, мать вашу. Вот они – результаты. Нам по пятьдесят. И мы несчастны. У меня нет большой семьи, о которой я всегда мечтала – нет детей, и уж тем более внуков. С детьми – как-то сначала было не до этого, а потом уже слишком поздно.

Ольга, обреченно вздохнув, продолжила:

– У меня есть супруг, который все же больше партнер. У меня есть собака и есть старость, поджидающая за углом. Ах, да – еще мечты, которые я оставила в прошлом. Понимаешь ли ты меня, Яна?

Янина неуверенно кивнула, совсем запутавшись в своих размышлениях.

– За мечту свою бороться надо, Яночка. Вот я о чем. И делать то, что хочется. Потому что кому-то можно, а кому-то всегда не до этого. Совесть не позволяет. Про Евку Вишневскую слышала? Вот ведь ни капли ни в ней, ни в её раскрутом папаше таланта не было и нет. Ан нет, посмотри, что деньги делают. Фестиваль за фестивалем, и везде она – победительница! Скольких наших ребят подсидела, а в итоге сама что? Нашла какого-то банкира, быстренько залетела и

всем сделала ручкой. А ты что, Яна? Сидишь в этой своей глухомани! Талант, самородок, каких поискать еще, но нет же, любовь у нее, видите ли...

Ольга в раздражении выкинула истлевший окурок, постучала мундштуком по бортику опоры и, взглянув пристально на Яну, решительно подвела черту:

– Так, через пятнадцать минут будут выступления новичков. Ты – пятая. Я тебя уже записала. Только попробуй куда-нибудь смойся, из-под земли достану, – она встряхнула копну своих волос, поправила лиф и стремительно покинула площадку балкона.

Из зала доносились первые несмелые аккорды. Кто-то пробовал инструмент, настраивался на выступление.

Яна, проводив хозяйку взглядом, сглотнула подступивший к горлу ком и выдохнула. А потом, вскинув голову, в полголоса обратилась к небу:

– В конце концов, я ведь ничего не теряю, правда?..

Сашка проглотил противную горечь последнего, оставшегося на доннышке, теплого напитка. Бутылка из-под пива ударилась о стекло журнального столика так, что чуть не разбила его. Ну еще только этого не хватало! Какого черта он отпустил ее одну? Какого черта она туда поехала?

Так, хватит. Иначе, какой-то замкнутый круг получается.

Сам тоже хорош, повел себя как ребенок! Что стоило ее отвезти и дожидаться на месте? Если бы Яна знала, что он сидит в машине, где-то рядом, то не стала бы там задерживаться. Позвонить? Она навряд ли ответит. На таких приемах обычно все ставят свой телефон на беззвучный. И не сорвешься сейчас. Дурак, сам выпил, за руль в таком состоянии он точно не сядет.

Черт, черт, черт!

Чего так в груди тянет? Это противное ощущение предстоящей беды, прочно поселившееся в последние недели в его душе, уже не просто беспокоило, а пугало. Ну как он так, сглупил!

Трель телефонного звонка разнеслась по квартире противным хриплым пиликаньем, словно какой-то мистический звонок из прошлого... Стационарный телефон, за ненадобностью, стоял в углу книжной полки. Сашка и забыл уже, что он у них есть.

Сердце гулко застучало... Вот оно... Сглотнув подступивший к горлу ком, он протянул к трубке руку.

– Алло, я слушаю.

– Здрасьте! Алло! Сашка? Сашка, это ты? – незнакомый мужской голос пытался докричаться сквозь фоновый шум. Сашка дрожащей рукой пошевелил провод аппарата, дождался, когда треск прекратится и, прочистив горло, твердо ответил:

– Да, это я! С кем говорю?

– Сашка, друг! Это я, Андрюха Смольняков!

– Андрюха? Друг! Господи, откуда ты?

– Ха, помнишь ещё, товарищ старший сержант, своего непутевого друга!

– Ты откуда? Ты где? Я тебя искал, но безуспешно!

– Да дома я теперь. Освободился только. Получилось так, Саш. Человека сбил по пьяни, моя вина. Но это при встрече. Поговорим. Сам понимаешь, из квартиры тетка меня сразу выписала. А телефона там, на курорте, не было. Я, как мы в последний раз у тебя сидели, когда такси вызывал, запомнил твой домашний номер, вот и звоню. Боялся, что ты уехал куда...

– Да куда я уеду? Ты где сейчас? В Трицком?

– Да, тут дело такое. Тетка умерла, я сорвался с работы, с самого Сургута летел, хоронить кроме меня некому. Вот, дружище, тетя Клаву позавчера проводили в последний путь. Неделю мне дали на отдых, а пятнадцатого улетаю снова на

работу. Не потому звоню, Саш. У меня новость для тебя. Не знаю, хорошая или плохая. Наверное, хорошая.

– Новость? Андрюха, да ты сам весь, как новость, я так переживал, где ты.

– Саш, подожди. Капец, как сказать-то. Короче, Саня, у тебя есть сын.

– Чего? – неприятное чувство резануло болью. – Андрюх ты обкурился что ли. Или пьяный? У меня нет детей, и, наверное, не может быть. Мы с Янкой семь лет как... И никак...

– Все у тебя как, Саня. Сын, говорю, есть у тебя. Точно. Памятью тетя Клавы клянусь. Она мне письмо оставила. Из него узнал. погоди, дослушай. Я правда, не пьяный. Это от Веры...

Сашка, задержав дыхание, пытался понять, о чем речь, но мысль ускользала, еще больше раздражая. Да такими вещами не шутят. Но друга выслушать надо.

– Ну, говори! Не тяни.

– Помнишь, когда с армейки возвращались, у меня оставались. Верка, моя троюродная сестра, приходила. Помнишь?

– Ну и?

– Что ну и... Я что ли с ней на сеновале кувыркался? Забеременела она тогда и никому не сказала ... Я сам не знал, правда. Она, чтобы никто не увидел, что нагуляла, в городе скрылась, а пару лет назад вернулась в деревню. И тетя Кла-

ве призналась.

– Андрей, это не шутка?

– Да какие шутки, брат! Я видел его! Копия ты! Но это... Саш, тут такое дело. Верка умирает, вернее не знаю, сколько ей еще осталось. Рак у нее. Надо приехать тебе, поговорить с ней самому. Здесь много чего решить надо. Ты прости меня, брат, что с такими новостями. Прости, я сам не знал. Приезжай.

Сашка молчал, задыхаясь от нахлынувших чувств. В трубке слышалось кашлянье и снова, не дождавшись ответа, заговорил Андрюха:

– Саш, надо приехать! Адрес знаешь. Все там же. Троицкое, улица Весенняя 2. Давай, жду. Приедешь?

– Приеду... Гудки в трубке, словно пунктирная линия, окончательно разделили время на до и после. Сашка, не сдержавшись, схватил телефон и зашвырнул его в стену! Красный пластмасс разлетелся по комнате крупными осколками. Гудки смолкли. Но в ушах набатом продолжали раздаваться: голос друга, его такие невероятные слова и собственный бешеный стук сердца – до синевы в глазах, до тошноты. С*ка!

У него есть жена!

И ребенок...

Музыка, доносящаяся из специально обустроенного огромного концертного зала, расположенного в отдельной части дома, говорила о том, что показательные выступления уже начались. Яна все еще стояла и, облокотившись на перила балкона, смотрела вниз, наслаждаясь вечерней прохладой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.